

МУЖ-ДРАКОН
ВЫБРАЛ
ИСТИННУЮ.
Я ВЫБРАЛА
ЕГО ВРАГА

ЛИАНА ВЕЙЛ

18+

Лиана Вейл

**Муж-дракон выбрал
истинную. Я выбрала его врага**

«Автор»

2026

Вейл Л.

Муж-дракон выбрал истинную. Я выбрала его врага / Л. Вейл —
«Автор», 2026

— Я нашёл истинную. Подпиши развод, Элара. В день восьмой годовщины муж-дракон приводит в дом другую и ждёт от меня слёз. Но в этом теле теперь я — земной нотариус, привыкшая читать мелкий шрифт. Поэтому вместо содержания я забираю фамилию Вейр, свободу и сгоревший Дом Семи Клятв, который Дамиан считает бесполезной развалиной. Стоит снять брачный браслет, как я вижу чёрные узлы в магических договорах. Один проходит через сердце Райнара Корра — опаснейшего генерала Севера и личного врага моего бывшего мужа. Райнар уверен, что я шпионка. Я уверена, что больше ни один дракон не получит право мной распоряжаться. Но кто-то подделывает истинные метки, превращает браки в клетки и готовит армию к мятежу. Чтобы выжить, мне придётся довериться мужчине, которого чужой приказ может заставить убить меня. А ему — впервые выбрать меня вместо долга. Только нужна ли мне истинность, если любовь снова станет клятвой без права сказать «нет»? ОДНОТОМНИК. ХЭ.

© Вейл Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая истинная	5
Глава 2. Цена моей подписи	15
Глава 3. Чёрный дракон с Севера	25
Глава 4. Дом, который слушает	36
Глава 5. Генерал на цепи (Райнар)	48
Глава 6. Первые свободные	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Лиана Вейл

Муж-дракон выбрал истинную. Я выбрала его врага

Глава 1. Чужая истинная

— За восемь лет безупречного союза лорда и леди Арден!

Голос тонет в звоне бокалов. Две сотни человек поднимаются со своих мест, и я встаю вместе с ними — просто потому, что женщина справа уже задела мой локоть пышным рукавом, а мужчина слева отодвинул кресло и теперь смотрит с лёгким недоумением.

В моей руке оказывается тонкий хрустальный бокал. Внутри дрожит золотистое вино.

Я не знаю, кто все эти люди.

Не знаю, где нахожусь.

И совершенно точно никогда раньше не видела платья, в котором сейчас стою. Узкий лиф сдавливает рёбра так, что глубокий вдох приходится делать осторожно. Тёмно-синяя ткань плотно облегает талию, а ниже распускается тяжёлыми складками. По ним ползут вышитые серебром ветви. Несколько листьев зацепились за край стола и тихо позвякивают — внутри каждого, кажется, спрятана тонкая металлическая пластинка.

Последнее, что я помню, тоже звенит.

Только не хрусталь.

Телефон соскальзывает с соседнего сиденья, когда я резко бью по тормозам. На экране ещё горит сообщение клиентки: «Софья Андреевна, я всё-таки не понимаю, что именно он заставляет меня подписать».

Дождь размазывает свет фар по лобовому стеклу. Из-за поворота выносит грузовик. Я успеваю увидеть белую кабину, чёрную полосу грязи над колесом и лицо водителя. Он открывает рот.

Наверное, кричит.

Удара я уже не помню.

— Леди Элара, вам нехорошо?

Женщина справа наклоняется ко мне, и крупная жемчужина в её ухе касается шеи. От неё пахнет сладкими духами и чем-то аптечным.

Элара.

Имя проходит сквозь голову короткой болью. На одно мгновение перед глазами темнеет, а следом вспыхивает чужое воспоминание: эта же женщина стоит на ступенях дворца в зелёном платье и говорит, прикрыв веером рот: «Восемь лет — достаточный срок, чтобы признать очевидное. Если бы у вас могли быть дети, они бы уже появились».

Я моргаю.

Воспоминание исчезает. Женщина остаётся.

— Всё хорошо, — отвечаю я.

Голос у меня не мой. Ниже, мягче. И слова звучат не по-русски, хотя я понимаю каждое и сама говорю на этом языке так, будто учила его с детства.

Прекрасно.

Либо я лежу в реанимации и вижу на удивление последовательный бред, либо после столкновения с грузовиком меня занесло туда, где женщины носят корсеты, а незнакомцы пьют за восемь лет моего брака.

Обе версии выглядят сомнительно. Но корсет от этого слабее не затягивается.

— Тогда выпьем, — улыбается женщина.

Я подношу бокал к губам. Вино пахнет мёдом и дымом, но почти не имеет вкуса. Я касаюсь его лишь для вида и пользуюсь мгновением, чтобы осмотреться.

Мы находимся в огромном зале с высоким сводчатым потолком. Под ним медленно плавают шары белого огня. Именно плавают: один проплывает над центральным столом, останавливается возле композиции из синих цветов и, будто раздумав, поднимается выше. Ни цепей, ни проводов я не вижу.

Вдоль стен стоят каменные колонны. Между ними висят длинные серебряные полотнища с чёрным крылатым зверем. У зверя вытянутая морда, расправленные крылья и хвост, обвивающий корону.

Дракон.

Едва я называю его, в голове снова что-то сдвигается.

Дом Арден. Серебряные драконы. Один из двенадцати старших родов Астэрры. Служба при дворе, место в имперском совете, право держать собственную стражу.

Воспоминания приходят не как рассказ. Они прячутся в вещах, лицах, запахах. Я смотрю на герб — и знаю, кому он принадлежит. Касаюсь языком вина — и вспоминаю, что его привезли из южных виноградников к восьмой годовщине свадьбы. Опускаю взгляд на левую руку — и понимаю, что тонкий серебряный браслет на запястье никогда не снимается.

Брачная печать.

Восемь лет назад Дамиан Арден сам застегнул её на руке Элары Вейр.

На моей руке.

Металл тёплый, почти как кожа. Под ним тянет и ноет, словно браслет слишком тесен, но на серебре нет ни замка, ни соединительного шва.

— За леди Элару и лорда Дамиана! — заканчивает мужчина во главе стола.

Гости выпивают.

Теперь я знаю, куда смотреть.

Мой муж сидит напротив, чуть правее, в кресле с высокой спинкой. Между нами — белая скатерть, цветы, свечи и примерно двадцать человек ближайших родственников и придворных. Остальные расположились за длинными столами ниже. Зал построен уступами, поэтому каждое место обращено к нам.

Не годовщина, а небольшое театральное представление. И мы с Дамианом, судя по всему, сегодня главные декорации.

Он красив той аккуратной, законченной красотой, которая обычно требует работы нескольких специалистов. Светлые волосы зачёсаны назад, ни одна прядь не выбилась. Высокий воротник чёрного камзола расшит серебром. Черты лица правильные, резкие, но не грубые. На вид ему около тридцати пяти, хотя память Элары подсказывает: тридцать восемь.

Голубые глаза встречаются с моими.

Никакого узнавания я в них, конечно, не вижу. Дамиан смотрит на меня как на привычную вещь, которую сегодня особенно старательно отполировали и выставили перед гостями.

— Ты даже не пригубила, — произносит он.

Говорит негромко, но ближайшие собеседники тут же замолкают. Остальные продолжают рассаживаться, шуршать платьями и обмениваться впечатлениями от вина.

— Боюсь, после второго бокала я не переживу ещё один тост, — отвечаю я.

На его лице ничего не меняется. Только пальцы, лежащие возле тарелки, на миг замирают.

Чужая память подсказывает, что Элара так с ним не разговаривает.

Она улыбается, когда он требует улыбаться. Молчит, когда он устал. Не задаёт вопросов о поздних возвращениях и о женщинах, чьи духи иногда остаются на его одежде. За восемь лет она научилась занимать в его доме ровно столько места, сколько отведено жене канц-

лера: достаточно, чтобы принимать гостей и сидеть рядом на официальных церемониях, но не настолько много, чтобы мешать.

Мне становится её жалко.

И почти сразу — больно.

Чувство возникает под рёбрами, острое и совершенно не моё. Тело узнаёт мужчину напротив. Помнит, как ждало его шагов за дверью, как радовалось редким прикосновениям, как каждое утро высчитывало дни и надеялось, что в этот раз задержка окажется не случайной.

Восемь лет.

Судя по тостам — безупречных.

— Я рад, что у тебя хорошее настроение, — говорит Дамиан.

Я ставлю бокал на стол.

— А оно должно быть плохим?

Женщина с жемчужиной перестаёт улыбаться. Мужчина слева принимается сосредоточенно расправлять салфетку на коленях, хотя она и без того лежит ровно.

Дамиан изучает меня ещё несколько секунд.

— Разумеется, нет.

Он переводит взгляд на распорядителя у стены и едва заметно кивает.

Музыка, до этого звучавшая с верхней галереи, обрывается. Скрипичная нота дёргается и глохнет. Слуги, разносившие блюда, одновременно отходят к стенам. Один из огненных шаров опускается ниже и висит над Дамианом, делая его волосы почти белыми.

Разговоры стихают не сразу. Шёпот прокатывается от первых столов к последним, пока в зале не остаётся только шорох пламени в камине.

Дамиан поднимается.

— Друзья, — начинает он. — Представители старших домов. Я благодарен каждому, кто сегодня разделил с нами этот вечер.

Он не смотрит на меня.

Я машинально выпрямляю спину. Браслет на запястье становится горячее.

— Восемь лет назад союз домов Арден и Вейр положил конец спору, который длился почти полвека. Этот брак принёс империи спокойствие, а нашим семьям — взаимное уважение.

Взаимное уважение.

Именно так, наверное, называют супружескую жизнь, в которой муж навещает спальню жены по заранее составленному расписанию. Чужая память услужливо показывает тёмную комнату, серебристый свет за шторами и Дамиана, застёгивающего рубашку спиной к постели.

«Тебе нужно поспать, Элара. Завтра прибудет делегация из Рейна».

Ни поцелуя. Ни случайного прикосновения на прощание.

Зато уважение в достатке.

— Но сегодня я обязан говорить не только о прошлом, — продолжает Дамиан. — Одиннадцать дней назад произошло событие, которое изменило мою жизнь и судьбу дома Арден.

Кто-то за дальним столом шумно втягивает воздух.

Значит, часть гостей уже понимает, к чему он ведёт.

Я — нет. Но тело снова оказывается сообразительнее меня. Сердце делает один тяжёлый удар, другой. Пальцы холодеют. Серебряный браслет сжимает руку так сильно, что я невольно провожу по нему большим пальцем.

Дамиан поворачивается к двустворчатым дверям.

Они открываются без прикосновения. Створки расходятся плавно, почти бесшумно, и в зал входит молодая женщина.

На ней светлое платье. Не белое — тёплого сливочного оттенка, — но разница настолько незначительна, что смысл понятен даже мне. Ткань обнимает высокую грудь, оставляет плечи

открытыми и рассыпается вокруг ног мягкими складками. Рыжевато-золотые волосы уложены свободнее, чем принято у остальных женщин в зале. Несколько локонов лежат на ключицах.

На шее у неё серебряное ожерелье с чёрными камнями.

Память Элары узнаёт его первой.

Украшение не видели почти восемь лет. В день свадьбы пожилая женщина с холодными руками застегнула его на шее Элары и сказала, что ветвь с семью чёрными алмазами принадлежит законной хозяйке дома Арден. После церемонии Дамиан распорядился убрать ожерелье в родовую сокровищницу: слишком древнее, слишком ценное, не для обычных выходов.

Сегодня оно почему-то подходит для обычного выхода к двум сотням гостей.

Женщина идёт медленно. Не смотрит по сторонам, но подбородок держит чуть выше, чем требуется скромной участнице чужой семейной драмы. По залу ползёт шёпот.

Я различаю отдельные слова.

«Соль».

«Придворная магичка».

«Не может быть».

«Так поздно...»

Женщина останавливается рядом с Дамианом. Он протягивает руку, и она вкладывает в неё пальцы.

Сразу под её левой ключицей вспыхивает свет.

Сначала я принимаю его за отблеск от огненных шаров. Потом золотые линии проступают прямо на коже. Тонкие, похожие на ветви или трещины, они собираются вокруг небольшого тёмного знака. Рисунок пульсирует в такт сердцу.

По залу проносится общий вздох.

Дамиан расстёгивает манжету и подворачивает рукав камзола. На внутренней стороне его запястья загорается такой же знак.

Браслет на моей руке обжигает кожу.

Я вздрагиваю и едва не опрокидываю бокал. Золотистое вино выплёскивается на скатерть, быстро впитывается и оставляет тёмное пятно.

Истинная.

Слово разворачивается в голове вместе с десятками чужих воспоминаний.

Истинный резонанс. Редкое совпадение магии, крови и драконьего пламени. Подарок древних богов, хотя никто из присутствующих, вероятно, не видел этих богов и не знает, существовали ли они вообще. Для драконьих домов истинная связь почти священна. Её проверяют в имперском реестре. О ней объявляют перед родом. Ради неё расторгают помолвки, пересматривают наследование и — если нужно — браки.

Даже те, что восемь лет называли безупречными.

Дамиан накрывает ладонь женщины своей.

— Леди Ливена Соль — моя истинная пара, — говорит он.

Теперь смотрит на меня.

Я сижу во главе праздничного стола в платье, расшитом гербовыми ветвями его дома. Вокруг горят сотни свечей. Перед каждым гостем лежит серебряная карточка с нашими именами и цифрой восемь.

Дамиан приводит другую женщину в ожерелье своей законной жены и объявляет, что именно она предназначена ему судьбой.

Красивее было бы только попросить музыкантов сыграть свадебный марш.

— Одиннадцать дней назад её дар вышел из-под контроля во время работы в западном архиве, — продолжает он. — Я оказался рядом. Наши метки проявились одновременно. Проверку провели три независимых регистратора. Сегодня утром императорский совет подтвердил истинность связи.

Одиннадцать дней.

Совет. Три регистратора. Платье. Родовое ожерелье. Две сотни приглашённых.

А мне он сообщает сейчас.

Хотя нет. Не мне. Им.

Для меня, скорее всего, приготовлено что-то отдельное. Бумага, печать и перо.

— Я понимаю, насколько неожиданной может показаться эта новость, — говорит Дамиан. Неожиданной.

Женщина с жемчужиной рядом со мной опускает глаза. Несколько мужчин напротив делают вид, что внимательно рассматривают столовые приборы. Молодая девушка за вторым столом вытягивает шею, чтобы лучше меня видеть, пока мать не тянет её за рукав.

Никто не уходит. Никто не возмущается.

Чужое унижение — слишком редкое блюдо, чтобы отказываться от него перед десертом.

— Элара, — обращается ко мне Дамиан. — Я хотел, чтобы ты узнала обо всём от меня.

Я смотрю на Ливену. Она отвечает осторожным, почти сочувственным взглядом. Золотая метка под ключицей уже погасла, оставив на коже едва заметный рисунок. Ожерелье лежит поверх него, и нижняя ветвь заканчивается как раз между грудей.

— И поэтому пригласил свидетелей? — спрашиваю я.

По столу проходит лёгкое движение. Кто-то роняет ложку. Она ударяется о край тарелки и со звоном падает на пол.

Лицо Дамиана остаётся спокойным.

— Слухи уже начали распространяться. Скрывая истину, мы лишь дали бы пищу для домыслов.

— Разумеется. Теперь никаких домыслов не останется.

Ливена чуть сильнее сжимает его руку. Он не отстраняется.

Элару от этого зрелища должно разорвать. Её тело старается. Горло сводит, во рту появляется металлический привкус, а ногти впиваются в ладонь под столом. Но вместе с её болью во мне поднимается собственное, более понятное чувство.

Злость.

Не за измену. Я знаю этого мужчину меньше получаса и не успела полюбить даже его профиль. Меня злит аккуратность, с которой он всё устроил. Он не просто бросает жену — он заранее рассаживает зрителей, зажигает свет и делает её согласие частью представления.

Если Элара заплачет, истинная связь окажется слишком сильна, чтобы ей противостоять. Если устроит скандал — докажет, что недостойна дома Арден. Если промолчит — сама признает происходящее правильным.

Как удобно.

— Наш брак был заключён по воле семей, — продолжает Дамиан. — Мы оба исполняли свой долг. Я благодарен тебе за годы, которые ты посвятила дому Арден, и позабочусь, чтобы перемены не лишили тебя достойного положения.

Будто увольняет управляющую.

— А что именно изменится? — спрашиваю я.

На этот раз он не скрывает удивления.

Вероятно, настоящая Элара уже поняла бы всё и сидела, опустив голову. Но я пока знаю только то, что можно вытащить из обрывков её памяти. И предпочитаю, чтобы условия сделки произносили вслух.

— Согласно драконьему праву обретение подтверждённой истинной связи является основанием для расторжения династического брака, если в нём нет наследников, — отвечает Дамиан после короткой паузы.

Слово «наследников» он произносит ровно. Даже бережно.

Боль под рёбрами становится сильнее.

Я вижу белую простыню с бурым пятном. Таз с остывшей водой возле кровати. Женщину в сером платье, которая прячет окровавленные полотенца и говорит, что на таком сроке это случается часто. Дамиан тогда уехал к рассвету. Государственные дела.

Он ни разу не спросил, как Элара себя чувствует.

В зале по-прежнему тихо. Все знают, что детей нет. Возможно, знают и почему. В этом мире женское тело, похоже, тоже считается документом, содержание которого можно обсуждать в присутствии заинтересованных домов.

— Значит, ты хочешь развода, — говорю я.

Ливена опускает ресницы.

Дамиан отпускает её руку и медленно подходит к столу. Останавливается напротив меня, положив ладонь на спинку своего кресла.

— Я хочу исполнить то, чего требует истинная связь.

— Это не ответ.

Где-то у дальней стены тихо ахают.

В голубых глазах Дамиана появляется холодный блеск. На одно мгновение под кожей у его виска проступает серебряная чешуйка — маленькая, не больше ногтя. Она ловит свет и тут же исчезает.

Дракон.

Не герб. Не красивое прозвище.

Настоящий.

Тело Элары знает, что сейчас следует замолчать. От этого знания сводит плечи. Я чувствую страх, вбитый в мышцы задолго до моего появления, и всё равно продолжаю смотреть на него.

— Да, — произносит Дамиан. — Я прошу расторгнуть наш брак.

Вот теперь честно.

Ливена делает шаг вперёд.

— Леди Элара, я никогда не желала причинить вам боль.

Голос у неё приятный. Тихий, чуть дрожащий в нужных местах. Она обращается ко мне, но поглядывает на гостей, будто проверяет, все ли заметили её благородство.

— Одиннадцать дней назад я даже не представляла, что подобное возможно. Если бы метку можно было отвергнуть...

Она не заканчивает.

Наверное, потому что всем известно: нельзя.

Или потому что фраза о невозможности отказаться звучит убедительнее, когда на тебе уже надето ожерелье предыдущей жены.

— Как оно оказалось у вас? — спрашиваю я.

Пальцы Ливены взлетают к чёрным алмазам.

— Что?

— Ожерелье.

Она быстро смотрит на Дамиана, но я успеваю.

— Это знак расположения дома, — отвечает он вместо неё.

— Я помню.

Ещё один обрывок чужой жизни: Элара стоит перед зеркалом в свадебном платье, а на шее холодит тяжёлая серебряная ветвь. За спиной Дамиан разговаривает с кем-то у двери и ни разу не оборачивается.

— Его передают хозяйке дома Арден, — добавляю я.

Ливена краснеет. Не сильно. Тепло едва касается щёк и делает её ещё привлекательнее.

— Элара, — произносит Дамиан с предупреждением.

— Я уточняю сроки. Мне сообщили о разводе минуту назад. Оказывается, новую хозяйку выбрали раньше.

— Не устраивай сцену.

Он говорит тише, но в наступившей тишине слова долетают до первых столов. Несколько гостей отворачиваются. Не из деликатности — просто теперь можно будет утверждать, что они ничего не слышали.

Я разглаживаю салфетку на коленях. Пальцы всё ещё дрожат, поэтому приходится прижать их к ткани.

— Ты собрал в одном зале половину столицы, надел на другую женщину родовое ожерелье и объявил, что наш брак закончен. Сцену устраиваю не я.

Он выпрямляется.

Мне кажется, сейчас он прикажет вывести меня. Или браслет на запястье сожмётся и заставит замолчать. Металл действительно пульсирует, будто внутри него бьётся крошечное сердце.

Но Дамиан слишком хорошо подготовил вечер, чтобы позволить ему сорваться из-за нескольких неудобных фраз.

— Ты расстроена, — говорит он уже громче. — Это естественно. Поэтому я не требую немедленного решения.

— Ты только что сказал, что всё решено истинной связью.

— Я говорю о формальностях.

Конечно.

Когда мужчина приводит любовницу на годовщину брака, настоящая проблема всегда заключается в формальностях.

Он кивает человеку, стоящему возле колонны. Я не замечала его раньше: невысокий, сухой, в сером камзоле без украшений. Тот делает знак слуге. Через несколько секунд на столе передо мной освобождают место. Убирают тарелку, бокалы, приборы и вазу с синими цветами.

Скатерть остаётся испорченной пролитым вином.

На тёмное пятно кладут кожаную папку.

Вот и бумага.

Мужчина в сером подходит ближе, склоняет голову.

— Леди Арден. Лорд Селмор Дейн, глава Имперского реестра.

Имя цепляется за память Эллары, но ничего в ней не находит. Она видела этого человека всего однажды, на церемонии подтверждения брачной печати. Тогда он был моложе и носил бороду.

Теперь его лицо гладко выбрито. Кожа на нём натянута слишком плотно, особенно возле рта, и не двигается, когда он говорит.

— Документ подготовлен в соответствии с правом старших домов, — продолжает Селмор. — В нём закреплено расторжение супружеской связи, возврат леди Эларе имени Вейр и передача содержания, достойного её прежнего положения.

— Как предусмотрительно.

Он делает вид, что не слышит.

Дамиан возвращается к Ливене. Теперь они стоят рядом, обращённые к залу, а я сижу перед папкой, словно мне выдали счёт за испорченный праздник.

— Сегодня достаточно подтвердить, что ты ознакомилась с условиями, — говорит он. — Подпись можно поставить после ужина, в присутствии регистратора. Если тебе потребуется время до утра, я не стану возражать.

До утра.

Невероятная щедрость.

— А если мне потребуется неделя?

— Не вижу причин затягивать.

— Я пока не видела условий.

Селмор кладёт ладонь на папку, но не открывает её.

— Соглашение стандартное.

Я смотрю на его пальцы. Длинные, бесцветные, с отполированными ногтями. На среднем — массивное кольцо с мутным камнем. В глубине камня что-то медленно поворачивается, похожее на зрачок.

— Тем более чтение не займёт много времени, — говорю я.

Дамиан и Селмор обмениваются взглядами.

Короткими. Настолько, что никто другой не придаст им значения.

Но последние семь лет я зарабатывала тем, что замечала такие взгляды над договорами. Обычно после них клиенту предлагали поставить подпись на последней странице и убеждали, что мелкий текст повторяет уже сказанное.

Селмор убирает руку.

— Разумеется.

Я открываю папку.

Внутри лежат шесть листов плотной сероватой бумаги, прошитых серебряной нитью. На первой странице блестит герб Арденов. Ниже выведено моё имя — Элара Исолда Арден, урождённая Вейр, — и имя Дамиана. Буквы ровные, будто их не писали пером, а вдавили в бумагу.

Я провожу пальцем по первой строке.

Текст понятен. Более того, пугающе знаком. Язык другой, законы другие, но желание одной стороны получить всё и назвать это взаимным соглашением не меняется даже после смерти.

«Ввиду проявления подтверждённого истинного резонанса у супруга мужского пола...»

«Принимая во внимание отсутствие рождённых в браке наследников...»

«Стороны признают дальнейшее сохранение союза противоречащим интересам дома Арден...»

Стороны.

Одна сторона организовала праздник. Вторую только что поставили перед фактом. Но на бумаге мы уже пришли к совместному и глубоко осознанному решению.

Я переворачиваю страницу.

За столами снова начинают шептаться. Сначала осторожно, потом громче. Для гостей главное уже произошло. Теперь можно обсудить платье Ливены, моё поведение и вероятность скорой свадьбы.

Дамиан наклоняется к ней. Она что-то отвечает, прикрыв губы пальцами. Он слушает внимательно.

Чужая боль поднимается к горлу.

Я опускаю глаза в документ.

Нет. Не сейчас.

Плакать по мужчине, который в присутствии двухсот человек обсуждает с новой женщиной, когда прежняя подпишет развод, я не собираюсь. Даже если телу Элара потребуется время, чтобы с этим согласиться.

На второй странице перечисляется имущество. Городской дом в западном квартале, ежегодное содержание, карета, четыре человека прислуги. Щедро, если не знать, что всё это остаётся собственностью Арденов и выдаётся «до вступления леди Вейр в новый брак либо до возникновения обстоятельств, порочащих честь дома».

То есть отнять можно в любой момент.

Третья страница посвящена украшениям. Родовые ценности возвращаются Дамиану. Личные подарки остаются мне, кроме тех, которые «могут быть истолкованы как знаки принадлежности к старшему дому».

Полагаю, сюда при желании можно отнести всё дороже пары чулок.

Я переворачиваю ещё один лист.

Браслет на руке нагревается. Не просто от волнения. Под серебром начинает покалывать, и это ощущение движется вверх по предплечью тонкими дорожками.

Я останавливаюсь.

Между строками что-то есть.

Сначала кажется, что в бумагу попал волос. Тёмный, почти чёрный. Он начинается у серебряной прошивки, проходит вдоль края страницы и исчезает под последним абзацем.

Я наклоняюсь ближе.

Линия шевелится.

Медленно выползает из-под букв, огибает слово «добровольно» и тянется к моему пальцу.

Я резко убираю руку.

Чёрная нить замирает. Затем снова расплывается по странице, становясь почти невидимой.

— Что-то непонятно? — спрашивает Селмор.

Он следит не за моим лицом. За рукой.

— Пока нет.

Я возвращаю палец на бумагу.

Нить касается кожи.

На этот раз вместе с покалыванием приходит смысл. Не слова — намерение, сжатое в тугой холодный узел. Оно скользит по руке, добирается до браслета, а оттуда поднимается выше.

К горлу.

Мне становится трудно дышать.

Я читаю абзац, над которым лежит нить.

«После расторжения брака леди Элара Вейр обязуется воздерживаться от публичного либо частного распространения сведений, способных причинить ущерб чести, положению, деловым интересам или будущему семейному союзу лорда Дамиана Ардена, независимо от достоверности таких сведений и обстоятельств их получения».

Формулировка длинная. Вежливая. Почти заботливая.

Бумага под моими пальцами холодеет.

Чёрная нить обвивает запястье, поднимается к локтю и стягивается вокруг шеи. Конечно, её нет на самом деле — никто из гостей не смотрит на меня с ужасом, Селмор по-прежнему спокойно ждёт, Дамиан что-то говорит Ливене.

Но я чувствую петлю так ясно, что хочется просунуть под неё пальцы.

Я закрываю папку.

Нить исчезает. Давление на горло ослабевает не сразу.

Дамиан поворачивается ко мне.

— Элара?

— Где подписать? — спрашиваю я.

В его глазах впервые за весь вечер появляется тепло. Совсем немного — ровно столько, сколько мужчина способен испытать к вещи, которая всё-таки не доставила лишних хлопот.

Селмор раскрывает папку на последней странице и кладёт возле моей руки перо.

Они оба думают, что я согласилась.

Я снова смотрю на условие, спрятанное среди правильных слов.

На обычном языке оно занимает четыре строки.

На языке магии — всего одну.

Молчи.

И теперь я знаю: мой муж боится не скандала.

Он боится, что Элара заговорит.

Глава 2. Цена моей подписи

Перо лежит возле моей руки.

Белое, с серебряным наконечником и крошечной каплей чернил на острие. Достаточно взять его, провести одну линию внизу страницы — и люди за столами наконец смогут вернуться к десерту.

Дамиан ждёт.

Селмор тоже.

Даже Ливена смотрит на меня с осторожным облегчением, хотя старается спрятать его за сочувствием.

Я беру перо.

Чёрная нить под текстом тут же шевелится. Тянется к моим пальцам, как будто узнала.

— Прежде чем я подпишу, прочтите вслух четвёртый абзац на последней странице, — говорю я.

Тепло в глазах Дамиана исчезает.

Селмор не двигается. Только мутный камень в его кольце проворачивается ещё немного.

— Вы уже ознакомились с ним, леди Арден.

— Именно поэтому прошу прочесть.

За ближайшим столом кто-то перестаёт резать пирог. Нож тихо звякает о тарелку.

Селмор смотрит на Дамиана.

Вот и первый ответ.

Если глава Имперского реестра не может прочитать условие без разрешения одной из сторон, соглашение уже не взаимное.

— Элара, — произносит муж. — Полагаю, всем присутствующим было достаточно неловкости на один вечер.

— Тогда не будем её растягивать. Четыре строки, лорд Дейн.

Я кладу перо поперёк страницы. Не возвращаю. Просто убираю остриё подальше от места для подписи.

Селмор проводит пальцем по краю папки.

— Речь идёт об обычном обязательстве соблюдать достоинство после расторжения брака.

— Я просила прочесть, а не пересказать.

Лицо у него остаётся неподвижным, но кожа возле рта белеет.

По залу снова проходит шёпот. Теперь гости обсуждают не платье Ливены.

Дамиан оглядывает ближайшие столы, и голоса стихают. Серебряному дракону не требуется превращаться, чтобы напомнить, кто здесь решает.

— Условие защищает обе стороны, — говорит он.

— Нет.

Я разворачиваю папку так, чтобы текст оказался перед Селмором.

— Здесь нет ни одного обязательства с твоей стороны. Мне запрещают говорить о браке публично или частно, даже если сведения правдивы и получены законно. Запрет действует не только на площади, но и перед регистратором, лекарем или следующим мужем.

При словах «следующему мужу» пальцы Дамиана сжимаются. Приятно знать, что при всей святости внезапно обрётённой истинности сама мысль о моей будущей жизни ему не нравится.

— Формулировку можно уточнить, — отвечает он.

— Её можно удалить.

Ливена высвобождает руку из его ладони, чтобы поправить ожерелье. Чёрные камни закрывают золотой след под ключицей.

— Леди Элара, — произносит она мягко. — Я понимаю, что сейчас вам больно. Но разве желание оставить семейные разногласия внутри семьи нельзя назвать естественным?

Она говорит тихо, без торжества: новая женщина благородна, прежняя просто не умеет проигрывать.

— Можно, — соглашаюсь я. — Если желание принадлежит мне.

Улыбка Ливены становится осторожнее.

— Разве вас принуждают?

Я касаюсь пальцем абзаца.

Чёрная нить мгновенно обвивает запястье. Браслет нагревается, и невидимая петля снова ложится на горло.

Вдох получается коротким.

На этот раз я не отдёргиваю руку.

— Лорд Дейн, что произойдёт, если я нарушу это условие?

Селмор опускает взгляд на бумагу.

— Последствия определяются силой причинённого ущерба.

— Где они перечислены?

— Магическая печать сама устанавливает соразмерную меру.

— Кто решает, что она соразмерна?

— Печать.

— Кто её создал?

Он молчит.

— Реестр, — отвечает Дамиан.

— Которым руководит человек, отказывающийся прочесть мне условие вслух.

Я смотрю на Селмора. Он впервые отводит глаза.

В моей прежней жизни за подобной фразой обычно скрывалось условие, после которого клиент лишался денег или жилья. Здесь под правильными словами прячется петля, которую я чувствую кожей. Мир другой. Способ отнять выбор тот же.

— Это не предмет для публичного обсуждения, — голос Дамиана становится тише.

— А развод, значит, предмет?

Он смотрит на меня долго. Тело ждёт, что я первой опущу глаза и извинюсь.

Дамиан никогда не повышал голоса и не оставлял синяков. Он просто неделями не входил в комнаты Элара, отменял поездки и через слуг сообщал, что жена нездорова. Мир сужался постепенно, без единого запертого замка.

Очень воспитанная клетка.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он.

— Сначала убедиться, что меня действительно разводят, а не меняют одну форму принадлежности на другую.

Едва заметная серебряная чешуйка проступает у него возле виска и сразу исчезает.

Ливена замечает. Её пальцы замирают на ожерелье.

Селмор прикрывает папку ладонью.

— Если леди Арден находится в состоянии сильного волнения, подписание следует перенести до тех пор, пока её воля не будет признана свободной.

Чёрная нить возле его пальца приподнимается. Слово «воля» отдаётся покалыванием под браслетом.

Я не знаю местных законов, но Селмор только что назвал единственное, чего в этом зале никто не собирался учитывать.

— Прекрасно. Признаю мою волю свободной сейчас. Я согласна расторгнуть брак. Не согласна с условиями, которые к расторжению не относятся.

— Они имеют отношение к последствиям, — сухо замечает Дамиан.

— Только для меня.

Я открываю первую страницу.

— Истинная связь принадлежит тебе. Родовые ценности и городской дом остаются тебе. Содержание прекращается по решению твоей семьи. Даже моя честность зависит от того, удобно ли тебе её слышать. Где здесь мои интересы?

— Тебе предоставляют положение, соответствующее имени, которое ты носила восемь лет.

— Я больше не хочу его носить.

Внутри что-то обрывается. Не моё — Эларино. Восемь лет она считала имя Арден доказательством, что ожидание и одиночество были не напрасны. Тело встречает отказ короткой болью под сердцем.

— После развода мне возвращается имя Вейр, — продолжаю я. — Полностью. Без права дома Арден использовать его в объявлениях, договорах и любых будущих требованиях.

Дамиан чуть склоняет голову.

— Это уже указано.

— Тогда возражений не будет.

— Не будет.

Первая уступка. В зале её слышат две сотни человек, и теперь вычеркнуть имя Вейр незаметно не получится.

Я перелистываю документ.

— От содержания, городского дома, кареты и слуг я отказываюсь.

За столами становится тише, чем после объявления об истинной. Вот теперь я действительно совершила нечто неприличное.

Дамиан не отвечает сразу.

— Не стоит принимать решения из гордости.

— Имущество, которое остаётся твоим и может быть отнято по твоему усмотрению, не моё. Это повод напоминать, кому я обязана крышей.

— Я дал слово обеспечить тебя.

— Но не включил его в соглашение.

Где-то за дальним столом мужчина кашляет, скрывая смех.

Дамиан переводит туда взгляд. Кашель прекращается.

— Ты не умеешь жить без дома и прислуги, — произносит он.

Элара не разводила огонь и не знала, сколько стоит хлеб. А я четыре года платила ипотеку и однажды прожила месяц на гречке, потому что бывший партнёр вынес всё с общего счёта.

С огнём как-нибудь разберусь.

— Научусь.

— Где?

Вот мы и подошли к цене.

Память Элара приносит обгоревшие ворота, семь каменных арок без дверей и ладонь отца на её макушке.

«Дом не умер, маленькая ласточка. Он просто больше не зовёт нас».

Воспоминание пахнет мокрой золой.

— Дом Семи Клятв, — говорю я.

Дамиан не меняется в лице.

Селмор — меняется.

Его пальцы едва заметно поджимаются, а мутный камень в кольце на миг перестаёт вращаться.

— Что именно ты сказала? — спрашивает муж.

— Я отказываюсь от содержания и всех перечисленных благ в обмен на передачу Дома Семи Клятв вместе с землями и всем, что по закону относится к владению.

— Разве это не сгоревшее поместье Вейров? — спрашивает Ливена.

Значит, к моей семейной истории она подготовилась лучше меня.

— Развалины на северной границе, — отвечает Дамиан. — Жилое крыло уничтожено, земли не приносят дохода.

— Тем проще с ними расстаться.

— Там нечего восстанавливать.

— Это уже моя будущая проблема.

— Поместье находится рядом с закрытой военной территорией Корров.

Память отзывается: Райнар Корр, чёрный дракон и генерал северной армии, недавно отказавшийся поддержать расширение полномочий канцелярии.

— Я постараюсь не мешать генералу, — говорю я.

— Райнар Корр не любит незваных соседей.

— Какое счастливое совпадение. Я тоже.

Раздаётся короткий женский смешок. Дамиан смотрит на меня так, будто впервые заметил, что на привычном месте сидит другой человек.

— Почему дом? — спрашивает он.

— Он принадлежал моей семье.

— Твоя семья отказалась от него после пожара.

— Тогда у дома Арден не должно быть причин держаться за бесполезную развалину.

Дамиан проводит пальцем по костяшке, ища второй смысл. Я сама знаю только три причины: дом принадлежал Эларе, его нельзя отозвать вместе с каретой, а чёрная нить шевельнулась при одном названии.

— Дом был передан Арденам в счёт брачного вклада, — вмешивается Селмор. — Возврат потребует отдельной регистрации.

— Вы глава реестра, — напоминаю я. — Уверена, справитесь.

Кольцо Селмора снова оживает. Дамиан кладёт ладонь Ливене на поясницу; пальцы не двигаются, словно удерживают на нужном месте.

— Допустим, — говорит он. — Ты получишь поместье. В том состоянии, в каком оно находится сейчас, без права требовать средства на восстановление.

— Вместе с землёй, сохранившимися строениями, имуществом, документами и правами рода Вейр.

— Там ничего нет.

— Тогда перечисление тебе не повредит.

— Архив Вейров сгорел, — произносит регистратор.

— Значит, я получу пепел.

— Элара, ты начинаешь торговаться о мусоре, — в голосе Дамиана появляется знакомая усталость, после которой прежняя жена старалась стать удобнее.

— Нет. Я торгуюсь о единственном имуществе, которое будет принадлежать мне, а не моему хорошему настроению.

В голубых глазах вспыхивает серебро. Огненные шары под потолком поднимаются, гости отодвигаются от столов.

Ливена кладёт ладонь Дамиану на рукав.

— Милорд, — шепчет она.

Он смотрит на её пальцы, затем на золотую метку над ожерельем. Серебро в глазах гаснет.

— Хорошо, — произносит Дамиан. — Дом, земли, сохранившиеся строения и имущество, принадлежавшее Вейрам до брака. Без содержания. Без городского дома. Ты покинешь столичную резиденцию до полудня завтрашнего дня.

— До полудня, — соглашаюсь я. — После передачи личных вещей и бумаг.

— Одного сундука будет достаточно.

— Если ты не собираешься объявить родовой ценностью моё нижнее бельё, спорить не о чем.

По залу прокатывается смех. Дамиан переживает его с каменным лицом.

— Личные вещи отдадут. Бумаги проверит государственная печать.

Я не позволю Дамиану выбирать, какие письма отца и вещи матери мне оставить.

— Проверка состоится при мне.

— Согласен, — произносит он слишком быстро.

— И условие о молчании удаляется полностью, — добавляю я. — Вместе с любыми запретами обращаться в суд, реестр, к императору или сообщать о преступлении.

— Ты обвиняешь меня в преступлениях? — спрашивает он.

— Я читаю документ, который ты предлагаешь подписать.

— Ответь.

— Когда вспомню последние восемь лет целиком, обязательно решу, есть ли в них то, о чём стоит сообщить.

Его лицо остаётся спокойным.

Браслет на моей руке раскаляется так резко, что я невольно втягиваю воздух.

Чёрная нить на странице дёргается.

Дамиан замечает мою реакцию. Во взгляде на браслет появляется явная тревога.

Пункт о молчании понадобился ему не ради светских сплетен.

— Перепишите соглашение, — говорит он Селмору. — Укажите передачу поместья и отказ от содержания. Ограничение сведений убрать.

— Милорд, печать уже сведена, — осторожно отвечает тот.

— Создайте новую.

— Для полного расторжения потребуется повторно соединить имена, кровь и волю. При таком количестве изменений контур может повести себя нестабильно.

— Вы глава Имперского реестра.

Селмор встречает его взгляд. Мои же слова в исполнении канцлера звучат как приказ.

— Разумеется, — отвечает он.

Дамиан протягивает руку Ливене.

— Мы продолжим вечер, пока документ готовят.

Она вкладывает пальцы в его ладонь, но перед тем, как отвернуться, смотрит на закрытую папку.

Не на меня.

На место, где пряталась чёрная нить.

И мне совсем не нравится, насколько быстро она её находит.

Новое соглашение приносят через сорок семь минут.

Я считаю, глядя на часы вместо людей, уже успевших разделить мою жизнь на приличные куски.

Музыканты снова играют. Дамиан танцует с Ливеной. Меня приглашают дважды: из жалости и из любопытства. Обоим я отказываю.

Утром столица назовёт меня безумной или неблагодарной. Лучше так, чем жалкой.

Селмор возвращается с двумя молодыми регистраторами. Один несёт новую папку, второй — узкий чёрный ларец.

Дамиан прекращает танец прежде, чем музыка доходит до конца.

Ливена остаётся среди пар. Растерянность на её лице сразу сменяется улыбкой, обращённой к пожилому мужчине рядом.

Дамиан подходит ко мне один.

— Надеюсь, теперь мы можем завершить это достойно.

— Мы могли сделать это достойно с самого начала.

Он садится напротив. Жаль, что увидеть в Эларе собеседницу решил только при разводе.

Селмор кладёт перед нами папку. Новая прошивка темнее прежней. Серебряная нить местами отливает синим, словно её торопились остудить.

— Я внес изменения, одобренные сторонами, — говорит он. — Прошу проверить текст до сведения печати.

— До? — переспрашиваю я.

— После подписания условия соединятся. Исправить их будет невозможно без нового соглашения обеих сторон.

То есть никогда.

Я открываю первую страницу.

Дамиан ждёт, гости наблюдают. На этот раз я читаю медленнее.

Причина расторжения прежняя. Возвращение имени Вейр указано. Дом Арден отказывается использовать моё имя и подпись после развода.

Я заставляю Селмора включить уже выданные распоряжения и доверенности. Возражения заканчиваются, когда я спрашиваю, какие из них Дамиан хотел бы сохранить.

Металлическая пластинка поднимает буквы с бумаги. Они рассыпаются серой пылью.

Я читаю дальше.

Содержания нет. Городского дома нет. Кареты и слуг тоже.

Дом Семи Клятв передаётся Эларе Исолде Вейр «в существующем состоянии» вместе с землёй, строениями, уцелевшим движимым имуществом, семейными бумагами и правами, принадлежавшими роду Вейр до заключения брака.

Ниже мелко добавлено: «За исключением объектов, имеющих государственную ценность».

— Уберите.

Селмор даже не спрашивает, что именно.

— Государственные объекты не переходят в частное владение.

— Они и так исключены. А этот пункт позволит вам объявить государственно ценным что угодно после передачи.

— Элара, в развалинах нет государственных тайн, — произносит Дамиан.

— Тогда пункт не нужен.

— Уберите, — говорит Селмору.

Селмор снова поднимает буквы с бумаги. Серая пыль оседает ему на пальцы.

Я переворачиваю страницу.

Условие о молчании исчезло.

Совсем.

Чёрная нить не появляется, но возле последней строки остаётся холодная пустота.

— Взаимных претензий после исполнения соглашения стороны не имеют, — читаю я. — Нет. Добавьте: «за исключением требований, связанных с преступлением, намеренно скрытым имуществом или нарушением условий настоящего соглашения».

— Это стандартная завершающая формулировка, — говорит Селмор.

— А это стандартное исключение для тех, кто не планирует преступлений.

Дамиан смотрит на меня через стол.

— Ты всегда умела читать договоры?

— Ты никогда не интересовался.

Доказать обратное он не сможет: для этого пришлось бы видеть рядом женщину, а не герб и браслет.

— Я интересовался всем, что могло принести пользу дому, — отвечает он.

— Вот видишь.

Ливена за его креслом опускает глаза. Дамиан к ней не оборачивается.

Селмор вносит исключение.

Последняя страница остаётся пустой, кроме места для двух имён и круглой печати реестра.

— Теперь подпишу, — говорю я.

Селмор открывает чёрный ларец.

На тёмном бархате лежат две иглы, стеклянная чаша и серебряный ключ без зубцов.

Браслет на моей руке начинает пульсировать.

— Для сведения брачной печати требуется подтвердить имя, кровь и волю каждой стороны, — объясняет Селмор. — После соединения подписей браслет будет снят. Имущественная часть вступит в силу немедленно.

— А передача дома?

— В тот же момент. Родовая магия признаёт имя раньше земельной книги.

Дамиан берёт иглу первым.

Он прокалывает палец. В капле крови вспыхивает серебряная искра.

Буквы вспыхивают и впитывают кровь.

— Дамиан Арден, — произносит Селмор. — Подтверждаете ли вы расторжение брачной клятвы на изложенных условиях?

— Подтверждаю.

Слово проходит по прошивке, и бумага тихо выдыхает.

Дамиан подписывает документ.

Перо в его руке не дрожит. Он готовился одиннадцать дней.

Селмор поворачивает чашу и вторую иглу ко мне.

— Леди Арден.

— Вейр, — поправляю я.

— До завершения печати вы всё ещё носите брачное имя.

— Тогда называйте полностью.

Кольцо Селмора следит за мной мутным зрачком.

— Элара Исолда Арден, урождённая Вейр. Подтверждаете ли вы расторжение брачной клятвы на изложенных условиях?

Я беру иглу.

Металл холодный. Укол почти не чувствуется, но кровь выступает сразу — густая, тёмная. В ней нет серебряного света. Только возле самой кожи вспыхивает тонкая золотистая линия.

Селмор наклоняется ближе.

Я прижимаю палец к имени.

Браслет сжимается.

Не кажется. Серебро действительно впивается в запястье. Кости сводит болью, игла падает на бархат.

Перед глазами вспыхивает свадебный зал.

Дамиан моложе, но уже такой же безупречный. Он застёгивает браслет на руке Элара. Вокруг аплодируют. Отец у последней колонны держится за грудь.

«Имя принято», — произносит Селмор, тогда ещё с короткой тёмной бородой.

Серебро смыкается без замка.

«Кровь принята».

Дамиан смотрит не на невесту. На браслет.

«Воля...»

Воспоминание обрывается.

Я снова в праздничном зале. Воздух не входит в лёгкие. Под кожей от запястья к плечу тянутся тонкие горячие дорожки.

— Элара? — Дамиан подаётся вперёд.

В его голосе слышится то же, что минуту назад было во взгляде.

Тревога.

Я смотрю на свою кровь, растекающуюся по имени.

Она не впитывается.

Буквы отталкивают каплю, и та собирается в ровный тёмный шарик.

— Печать не принимает подтверждение, — шепчет один из молодых регистраторов.

Селмор резко поворачивает к нему голову.

— Молчать.

Слово ударяет по воздуху. Юноша бледнеет и прикусывает губу так сильно, что на ней появляется кровь.

Я вижу, как от кольца Селмора к его горлу протягивается серая нить.

Моргаю.

Нить исчезает.

— Почему она не принимает? — спрашиваю я.

— Остаточное сопротивление брачной связи, — отвечает Селмор. — Сильное волнение мешает выразить волю.

— Моя воля ясна.

— Вы должны произнести подтверждение без внутреннего противоречия.

Чужая боль под сердцем усиливается.

Элара любила Дамиана. Ждала. Надеялась. Какая-то её часть всё ещё смотрит на мужчину напротив и хочет услышать, что Ливена уйдёт, гости забудут этот вечер, а восемь лет не закончатся подписью на серой бумаге.

Но любовь не равна согласию остаться.

Тем более в клетке.

Я накрываю каплю крови пальцем.

— Я, Элара Исолда Вейр, по собственной воле прекращаю брак с Дамианом Арденом на условиях, которые прочла и изменила сама.

Бумага под ладонью нагревается.

— Отказываюсь от его имени, содержания и власти надо мной. Принимаю своё имя и Дом Семи Клятв. Не обещаю молчать. Не отдаю права говорить, выбирать и распоряжаться собственной жизнью.

— Последние слова не входят в формулу, — резко произносит Селмор.

— Теперь входят.

Кровь вспыхивает золотом.

Серебряная нить, которой прошит документ, дёргается. По ней пробегает свет, пересекает подпись Дамиана и становится ослепительно белым.

Я ставлю имя.

Не Арден.

Вейр.

Перо царапает бумагу. Каждый изгиб буквы отдаётся болью в запястье, словно подписываю не чернилами, а выдёргиваю из тела тонкие металлические корни.

Когда последняя линия завершена, круглая печать реестра захлопывается сама.

Удар слышен во всём зале.

Огненные шары под потолком гаснут.
На короткий миг мы остаёмся в свете свечей.
Потом браслет раскаляется.
Я вскрикиваю и хватаюсь за него. Кожа под серебром будто прилипла к металлу. В нос ударяет запах жжёных волос.
Дамиан вскакивает.
— Остановите печать.
— Невозможно, — Селмор уже держит серебряный ключ. — Обе стороны подтвердили волю.
— Снимите его.
Он говорит не как муж.
Как канцлер.
Как человек, который только сейчас понял, что документ исполняет именно то, что в нём написано.
Селмор вставляет гладкий конец ключа в место, где на браслете нет ни отверстия, ни шва.
Серебро расходится.
Под ним оказывается не кожа.
Чёрный узел лежит прямо на запястье. Плотный, блестящий, размером с ноготь. От него поднимаются десятки тонких нитей. Одни уходят мне под кожу. Другие тянутся к документу. Третьи — к Дамиану.
Он тоже видит.
Я понимаю это по тому, как меняется его лицо.
Впервые за вечер оно становится живым.
— Закройте контур, — говорит он.
Селмор сжимает ключ.
— Поздно.
Чёрный узел вспыхивает.
Боли нет.
Есть ощущение, будто с руки разом сдёрнули тугую повязку, которую я носила так долго, что перестала замечать. Кровь бросается в онемевшие пальцы. Жар проходит по предплечью, достигает плеча и расходится по всему телу.
Под кожей загораются линии.
Тонкие, золотисто-белые. Они бегут от запястья к локтю, поднимаются по шее, скользят к ключицам. Я вижу их даже через тёмно-синюю ткань платья. Вышитые серебром ветви отвечают светом, будто всё это время ждали именно его.
Кто-то кричит.
Ливена отступает от стола. Золотая метка под её ключицей вспыхивает слишком ярко и сразу гаснет, оставляя кожу бледной.
Дамиан тянется к раскрытому браслету.
Я перехватываю его руку.
Не успеваю подумать. Просто не позволяю прикоснуться.
Его пальцы замирают в нескольких сантиметрах от узла.
— Не трогай, — произношу я.
Он смотрит на мою ладонь на своём запястье.
Раньше Элара никогда его не останавливала.
— Ты не понимаешь, что это, — говорит он.
— А ты понимаешь?
Молчание длится меньше секунды.
Достаточно.

Селмор резко накрывает браслет чёрной тканью. Узел под ней дёргается, и кольцо на его пальце лопаётся. Мутный камень падает на скатерть, перекачивается и останавливается зрачком вверх.

Молодой регистратор отшатывается.

В тот же миг по залу проходит треск.

Первое зеркало лопаётся за спиной Дамиана. От центра к раме разбегаются семь длинных трещин.

Следом отвечает второе.

Третье.

Все зеркала в зале покрываются белой паутиной. В каждом на долю секунды отражается не праздник.

Тёмный коридор.

Обгоревшие стены.

Снег, лежащий прямо на каменном полу.

И закрытая дверь, на которой вырезаны семь сплетённых кругов.

Я вижу это одновременно со всех сторон.

Потом зеркала осыпаются.

Гости закрывают лица. Стекло звенит о столы и каменный пол, но ни один осколок не долетает до меня. Они падают по краю светящихся линий, словно натыкаются на невидимую стену.

Селмор что-то говорит Дамиану. Тот отвечает. Ливена отступает ещё на шаг.

Я не слышу слов.

Вокруг становится холодно.

Пахнет мокрой золой, старым деревом и зимним воздухом из комнаты, которую много лет не открывали.

Где-то очень далеко тяжело сдвигается засов.

А затем незнакомый голос произносит у меня в голове:

«Хозяйка вернулась».

Глава 3. Чёрный дракон с Севера

Голос исчезает.

Остаётся холод.

Он лежит на плечах, забирается под платье и пахнет мокрой золой. На месте разбитых зеркал темнеют голые стены, по полу рассыпано стекло, а две сотни гостей смотрят на меня так, будто развод только что оказался наименее интересной частью вечера.

Дамиан первым возвращает себе лицо.

— Закрыть двери, — приказывает он.

Створки в дальнем конце зала сходятся. Щёлкают замки.

Очень разумно. Если в доме канцлера заговорили стены, нужно прежде всего не выпустить свидетелей.

— Никто не покинет зал, пока регистраторы не проверят защитный контур, — продолжает Дамиан. — Это мера безопасности.

Гости принимают объяснение с той поспешностью, с какой обычно принимают всё, произнесённое человеком с армией и хорошей родословной.

Селмор стягивает чёрную ткань вокруг раскрытого браслета. Под ней что-то ещё шевелится. Мутный камень из его кольца лежит на скатерти, похожий на вынутый глаз.

— Леди Арден должна остаться для обследования, — говорит он.

— Вейр, — поправляю я.

На его виске дёргается жила.

— Магический выброс мог повредить вам. Реестр обязан установить его природу.

— После того как реестр восемь лет не замечал это в моём браслете?

Селмор накрывает ткань ладонью.

Дамиан подходит ближе. Осколки под его сапогами хрустят, хотя возле меня лежат неподвижно, не пересекая бледную линию на камне.

— Ты поедешь в свои комнаты, — произносит он. — Лекарь осмотрит тебя там.

Слова звучат спокойно. Только на слове «поедешь» в его глазах появляется серебро.

— Сначала я получу свою копию соглашения и акт передачи Дома.

— Документы подготовят утром.

— Тогда утром я и освобожу твой дом от своего присутствия.

Ливена стоит у стола, прижав пальцы к ключице. Чёрные алмазы сбились в сторону, и золотая метка видна целиком. Сейчас она бледная, почти обычная. Ливена ловит мой взгляд и медленно опускает руку.

— Дамиан, ей действительно нужен лекарь, — говорит она.

Не из сочувствия. Ей тоже хочется узнать, почему её метка погасла.

— Нужен, — соглашается он, не глядя на неё.

— Нет.

Мой голос выходит хриплым. На горле остался след от невидимой петли, и каждое слово царапает изнутри. Но оно моё.

Дамиан смотрит на меня несколько секунд.

— Ты не понимаешь, что произошло.

— Поэтому предпочту не оставаться наедине с людьми, которые понимают, но не объясняют.

— Отведите леди Вейр в её комнаты, — наконец говорит Дамиан. — Поставьте охрану у дверей. Для её безопасности.

Конечно.

В этом мире клетки вообще очень заботливы.

К рассвету на моей кровати лежат три платья, две тёплые сорочки, дорожный плащ и столько белья, сколько помещается под крышку небольшого сундука.

Большой, обитый серебром сундук горничные принесли первым. Я попросила заменить его и получила взгляд женщины, уверенной, что северный холод можно остановить числом юбок.

Сейчас горничные собирают вещи молча. Одна складывает чулки, другая заворачивает в плотную ткань серебряный гребень моей матери. Ничего из этого я не помню сама, но тело узнаёт вещи раньше, чем я успеваю коснуться их.

На серебряном гребне матери вырезаны семь мелких кругов. Через один проходит глубокая царапина.

Письма отца лежат на столе отдельной стопкой. Государственный чиновник в сером мундире проверяет каждую страницу печатью, как и обещано в соглашении. Я сижу напротив и не позволяю унести ни одного листа из комнаты.

— Это личная переписка, — напоминаю я, когда он третий раз проводит кристаллом над выцветшими строками.

— Проверка должна установить отсутствие сведений государственной важности.

— В последних письмах отец пишет только о погоде, здоровье и протекающей крыше.

— Крыша может быть условным обозначением.

— Судя по стоимости её ремонта, крыша была государственной изменой.

Чиновник поджимает рот. Молодая горничная у сундука давится смешком и прячет лицо в стопке сорочек.

В дверь стучат.

Дамиан входит, не дожидаясь ответа. На нём уже чёрный дневной камзол канцлера, волосы убраны назад, ни одной складки, ни одного напоминания о ночи. Наверное, даже конец брака у него предусмотрен расписанием.

Горничные кланяются. Чиновник встаёт.

— Оставьте нас, — говорит Дамиан.

— Проверка бумаг проводится в моём присутствии, — напоминаю я.

— Я не приказывал уносить бумаги.

Все выходят. Чиновник последним кладёт кристалл на стол и закрывает дверь снаружи.

Дамиан смотрит на маленький сундук.

— Это всё?

— Ты рассчитывал, что я прихвачу мебель?

— Я рассчитывал, что ты придёшь в себя.

— Уже. Очень помогло.

Он пропускает колкость. Раньше Элара принимала это за терпение. Теперь я вижу: Дамиан просто не считает нужным отвечать, пока разговор не касается полезного.

На стол ложатся два документа. Моя копия соглашения и акт передачи, перетянутый белым шнуром. Внизу стоит печать реестра. Серебро в ней выглядит тусклее, чем ночью.

Я открываю акт.

Дом Семи Клятв, северный округ Вейр, земли от реки Лаоры до старой пограничной дороги, хозяйственные строения, семейные бумаги, права рода, сохранившиеся на момент передачи.

Всё на месте.

— Дорога займёт четыре дня, если перевалы открыты, — говорит Дамиан. — Тебя сопровождают трое моих людей.

— Я отказалась от твоих слуг.

— Это охрана до северной заставы, а не прислуга.

— Какая забота.

— На северных дорогах беспокойно.

Он произносит это ровно, но пальцы правой руки касаются места, где вчера лежал браслет. Моего браслета на нём никогда не было, однако жест кажется слишком точным.

— Настолько беспокойно, что бывших жён канцлера возвращают разбойники?

Его взгляд становится холоднее.

— Мне нет выгоды возвращать тебя.

— Вот это звучит честно.

Я ставлю акт рядом со своей копией соглашения.

— Где браслет?

— У реестра.

— Он относится к личным вещам.

— Он относится к брачному контуру дома Арден и подлежит уничтожению.

— После изучения?

— После проверки.

Дамиан не уточняет, кто именно будет проверять то, что Селмор вчера поспешил спрятать.

— А чёрный узел тоже уничтожат?

На этот раз пауза заметна.

— Ты видела последствия перегрузки печати.

— Я видела узел, который соединял меня, документ и тебя.

— Магия брака соединяет супругов. В этом нет ничего необычного.

— Тогда почему ты испугался?

За дверью кто-то проходит по коридору. Шорох юбок приближается, замирает и удаляется.

Дамиан берёт со стола акт передачи и расправляет загнутый угол.

— Дом Вейров закрыт много лет. Не пытайся активировать то, чего не понимаешь.

— Он уже активировался сам.

— Именно это должно тебя беспокоить.

Теперь в его голосе нет ни раздражения, ни превосходства. Только сухое предупреждение. От него по спине проходит холодок.

Не потому, что я ему верю.

Потому что он не лжёт целиком.

— Почему Дом находится у тебя? — спрашиваю я.

— Находился.

— Не меняй время глагола вместо ответа.

Его рот едва заметно напрягается.

— Имущество рода Вейр перешло под управление короны после пожара и смерти твоего отца. Позже управление поручили канцелярии.

— Вместе с семейными правами?

— Они считались утраченными.

— Но в акт вошли.

— По твоему требованию.

Удобно. Если внутри развалин ничего нет, Дамиан отдал мне пустые слова. Если есть, я сама потребовала опасность и публично подтвердила свободную волю.

В любой нотариальной конторе это назвали бы безупречной подготовкой к будущему спору.

— Кто такой Райнар Корр? — спрашиваю я.

Имя приходит из памяти Элара вместе с обрывком придворного разговора: чёрный дракон, северный генерал, человек, которого Дамиан однажды назвал полезным бедствием.

Дамиан перестаёт трогать угол документа.

— Почему ты спрашиваешь?

— Дом стоит на северной границе. Генерал Корр командует Севером. Даже женщина, которая якобы не умеет жить без прислуги, способна сложить два факта.

— Не приближайся к нему.

Слишком быстро.

Я поднимаю глаза.

— Он опасен?

— Да.

— Для кого?

Дамиан смотрит на меня так, словно решает, стоит ли считать вопрос угрозой.

— Для всех, кто ошибочно принимает его молчание за слабость.

— Значит, вы должны прекрасно понимать друг друга.

Я забираю акт из его рук.

— Карета ждёт во дворе, — говорит Дамиан. — Ты уедешь после проверки бумаг.

— А если я решу остаться до полудня?

— Не решишь.

Вот теперь узнаю бывшего мужа.

У двери он останавливается.

— Элара.

Я не поправляю. Имя хотя бы действительно моё, пусть жизнь вокруг пока чужая.

— На Севере приказы исполняют быстрее, чем при дворе, — произносит Дамиан. —
Помни об этом.

— Спасибо. А я боялась, что буду скучать по столице.

Он выходит.

Через час я покидаю дом Арден с одним сундуком.

Дамиан не провожает.

Ливена стоит за окном второго этажа. На ней светлое домашнее платье, на шее всё то же ожерелье с чёрными алмазами. Когда карета трогается, она касается метки под ключицей.

Я поднимаю руку, но не машу.

Просто проверяю, что на запястье больше нет серебра.

На третий день столица перестаёт пахнуть дымом, духами и людьми.

Дорога поднимается на север, лес подходит ближе. Здесь ели растут прямо из серого камня, снег лежит в углублениях между корнями, а ветер не встречает ничего, что могло бы его задержать. Он бьёт по стенкам кареты с таким упорством, будто тоже получил приказ вернуть меня.

Я сплю урывками, ем холодный хлеб и учусь различать людей Дамиана по звуку.

Кучер Берн кашляет перед каждым поворотом. Молодой гвардеец Лоран напевает под нос, когда думает, что его никто не слышит. Старший, Эдмар, не производит ни одного лишнего звука. Он едет слева от кареты и дважды за день проверяет серебряную трубку с дорожными распоряжениями.

Третий охранник, Нейт, больше смотрит на лес, чем на меня.

Они вежливы. Держатся на расстоянии. Не задают вопросов о разбитых зеркалах и не называют меня леди Арден.

От этого я нервничаю сильнее.

На полуденной остановке Эдмар разводит огонь в старом каменном очаге у дороги. Пламя плохо держится на сыром хворосте. Я присаживаюсь рядом, вытягиваю замёрзшие пальцы и замечаю на его правом запястье тонкий серебряный обод.

Не украшение. Такой же знак, только проще, был на перчатках дворцовой стражи.

— Это клятва службы? — спрашиваю я.

Эдмар опускает рукав.

— Знак допуска, миледи.

— Он заставляет вас исполнять приказы?

— Присяга заставляет.

— Присяга или магия?

Лоран перестаёт строгать ветку. Нейт, стоящий у лошадей, оглядывается.

Эдмар подкладывает в огонь сырую щепу.

— Хороший солдат не ищет разницы.

— Зато плохой начальник её очень любит.

Он смотрит на меня поверх огня. Ему около сорока, лицо обветренное, возле левого уха белый след старого ожога.

— Канцлер велел доставить вас до северной заставы в безопасности.

— Он всегда формулирует именно так?

— Как?

— Чтобы важное слово стояло в конце.

Лоран всё-таки улыбается. Эдмар не успевает сделать ему замечание: серебряная трубка на его поясе коротко звенит.

Все трое замирают.

Эдмар вынимает её и долго смотрит на крышку. Трубка тёплая: снег, попавший на серебро, шипит и превращается в воду.

— Новый приказ? — спрашивает Нейт.

— Нет, — слишком быстро отвечает Эдмар.

Он убирает трубку под плащ.

До вечера никто больше не разговаривает.

Мы проезжаем заброшенную заставу за час до темноты. Крыша провалилась, на воротах висят две половины цепи. Дальше дорога сужается между чёрных скал, и снег становится глубже.

На вершине первой скалы стоит каменный столб. На нём вырезан дракон с расправленными крыльями. Второй столб валяется в канаве, наполовину занесённый снегом.

Карета пересекает линию между ними.

Серебряная трубка звенит снова.

На этот раз звук не прекращается.

Лошади шарахаются. Берн натягивает вожжи и ругается. Эдмар спрыгивает в снег, достаёт трубку и бросает её на землю.

Крышка открывается сама.

Изнутри вырывается чёрная нить.

Она тоньше волоса и движется против ветра. На миг тянется к столбу, словно проверяет место, затем раздваивается. Один конец вонзается Эдмару под рукав. Второй бьёт в грудь Лорана. Из трубки появляется третий.

Нейт успевает отступить.

Нить догоняет его у лошадей.

Мужчины вскрикивают одновременно.

Я хватаюсь за дверь кареты.

На их телах проступают чёрные узлы.

У Эдмара он сидит под ключицей. Крупный, тугой, с тремя петлями. У Лорана обвивает горло. У Нейта уходит прямо под рёбра. От каждого тянутся серебряные нити, ровные и светлые, как натянутая проволока. Рядом с ними чёрное выглядит живым.

Не присяга.

То, что в неё спрятали.

Эдмар медленно вытаскивает меч.

Лицо у него серое.

— В карету, миледи, — говорит он.

— Что вам приказали?

Его рука дёргается. Остриё меча разворачивается ко мне.

— Вернуть вас в столицу.

Лоран спрыгивает с коня слишком резко и падает на колено. Чёрный узел на горле затягивается. Он хватается себя за воротник, но пальцы другой руки уже тянутся к дверце.

— Не выходите, — выдыхает он. — Пожалуйста.

Нейт бьёт кулаком по собственному запястью, пытаясь выбить кинжал. Не помогает. Пальцы сжимают рукоять так сильно, что белеют костяшки.

— Бегите! — кричит он Берну.

Кучер взмахивает вожжами.

Эдмар разворачивается и одним ударом перерубает построжку передней лошади.

Карету ведёт в сторону. Колесо срывается с края дороги, кузов наклоняется. Я ударяюсь плечом о стенку, сундук срывается с ремней и бьёт по ногам.

Берн падает с козел в снег.

Дверца распаивается.

Лоран оказывается рядом. В глазах ужас, рот приоткрыт, чёрная петля впилась в кожу. Он хватается меня за предплечье.

— Простите, — шепчет он.

Я вижу две нити.

Серебряная идёт от его груди к знаку на запястье. Ровная, тёплая, впаянная глубоко. Чёрная обвивает её и тянет в другую сторону, заставляя пальцы сжиматься.

Присяга и приказ.

Не одно и то же.

Я накрываю чёрную петлю ладонью.

Боль приходит сразу. Кожу обжигает так, будто я схватилась за печную заслонку.

Узел дёргается.

Лоран вскрикивает и отпускает меня на одно короткое мгновение.

Этого хватает.

Я выпрыгиваю из кареты. Снег проваливается почти до колен. Плечо плохо слушается, ладонь горит, но ноги работают.

Эдмар стоит между мной и дорогой. Он плачет молча. Слезы застывают в щетине, а меч поднимается уверенно, без единой дрожи.

— Не заставляйте нас, — просит он.

— Я ничего не делаю.

— Тогда не сопротивляйтесь.

Чёрный узел под его ключицей сокращается.

Меч опускается.

Я успеваю отшатнуться. Лезвие срезает застёжку плаща и уходит в дверцу кареты. Дерево трескается.

Нейт бросается с другой стороны.

Я падаю, перекатываюсь через плечо и чувствую, как кинжал проходит над спиной. Снег забивается в ворот, холод обжигает сильнее ладони.

Берн ползёт к лесу. Он не вооружён и, кажется, не связан клятвой. Нейт замечает его, но чёрная нить тянет только ко мне.

Живой приказ умеет выбирать цель.

Лоран снова подходит. На этот раз он держит верёвку.

— Они убьют вас, если мы не вернём, — говорит он, задыхаясь. — В приказе есть второе условие.

— Какое?

Он не успевает ответить.

Ветер исчезает.

Не стихает. Просто пропадает, будто над дорогой захлопнули огромную дверь.

Лошади вскидывают головы. Одна рвёт повод и с хрипом валится в снег.

На белую дорогу ложится тень.

Сначала я принимаю её за облако. Потом тень движется, закрывает скалу целиком, и сверху приходит низкий звук, от которого дрожит земля.

Не рёв.

Гром, который научился дышать.

Чёрный дракон падает с неба.

Он огромен даже для чужой памяти Элары. Крылья задевают обе стороны ущелья, с камня срывается снег. Чешуя не блестит: она поглощает вечерний свет, и только по краям пластин бегут тусклые синие разряды.

Дракон касается дороги передними лапами. Камень под снегом лопается.

Эдмар пытается повернуть меч к нему.

Хвост ударяет раньше. Не по человеку — по земле рядом. Взрыв снега сбивает Эдмара с ног и швыряет в сугроб.

Лоран отпускает верёвку. Нейт застывает, вскинув кинжал.

Чёрные узлы на них рвутся вперёд, заставляя снова двигаться ко мне.

Дракон резко поворачивает голову. Стальные глаза с узкими зрачками проходят по мужчинам, задерживаются на серебряной трубке и останавливаются на мне. Он может не видеть узлы, но одновременное движение трёх оглушённых людей замечает.

Между рогами вспыхивает короткая молния.

Воздух бьёт в грудь.

Все трое падают.

Узлы не исчезают, но чёрные нити обвисают, словно оглушённые. Эдмар пытается подняться. Рука ползёт к мечу, хотя лицо уже почти не движется.

— Не надо, — говорю я.

Не знаю, ему или дракону.

Стальная радужка сужается.

Дракон поднимает голову. Чешуя на шее сдвигается, налезая одна на другую. Раздаётся сухой треск, будто ломают толстые ветви. Тело уменьшается слишком быстро, крылья складываются внутрь, чёрный силуэт на миг закрывает синее пламя.

Через несколько секунд на дороге стоит мужчина.

Высокий, широкоплечий, в чёрном военном мундире без плаща. На ткани тают отдельные искры. Волосы тоже чёрные, короткие, растрёпанные после превращения. Лицо резкое, с тяжёлой линией челюсти; из-под расстёгнутого ворота к ключице уходит белый шрам.

На безупречного придворного красавца он не похож. Нос когда-то ломали, возле виска белеет короткий шрам, на костяшках свежие ссадины.

И слишком спокойный взгляд для человека, только что упавшего с неба.

Он поднимает с земли серебряную трубку. Касается пальцем внутренней стороны крышки, и там проявляются три чёрных знака.

— Канцелярский шифр, — произносит он.

Голос негромкий. Именно поэтому все слышат.

Эдмар стонет в снегу.

Мужчина подходит к нему, носком сапога отодвигает меч и приседает. Пальцы ложатся на знак допуска под рукавом.

Серебряная нить вспыхивает.

— Приказ внутри присяги, — говорит он. — Составлен не сегодня.

— Трубка открылась только здесь.

Стальные глаза поднимаются на меня.

— Я вижу.

Он встаёт.

— Имя.

Не вопрос. Привычка получать ответ.

Я стряхиваю снег с юбки. Ладонь отзывается болью, на коже проступило красное кольцо.

— Элара Вейр.

Мужчина смотрит чуть дольше.

— Жена канцлера носит другое имя.

— Носила до развода.

В его лице ничего не меняется. Только взгляд снова опускается к трубке.

— Быстрый развод.

— У моего бывшего мужа появилась истинная. Двор решил не тянуть с праздником.

— А вас отправили на Север до того, как высохла печать.

— Я уехала сама.

— С его охраной.

— До заставы.

— Застава осталась в двадцати милях позади.

Плохо.

Я смотрю на Эдмара. Он лежит на боку и тяжело дышит. Чёрный узел под ключицей снова пульсирует, но тело пока не слушается.

— Им приказали вернуть меня.

— Они сказали?

— Я видела.

Мужчина переводит взгляд на мою обожжённую ладонь.

— Что именно?

— Чёрные узлы поверх присяги. Приказ заставлял их двигаться, хотя они сопротивлялись.

Он подходит ближе.

Я не отступаю. От него пахнет холодным железом, дымом и грозой. Под кожей на шее ещё не до конца исчезли мелкие чёрные чешуйки.

— Покажите руку.

— Зачем?

— Вы прикоснулись к приказу.

— Это тоже видно?

— Нет. Это видно по ожогу.

Он протягивает ладонь, но меня не касается. Ждёт.

После Дамиана ожидание разрешения выглядит почти подозрительно.

Я поворачиваю руку сама.

Райнар осматривает красное кольцо. Теперь память окончательно соединяет лицо с именем, которое я слышала при дворе.

Генерал Райнар Корр. Командующий Северной армией. Чёрный дракон, которого император держит рядом с границей, а канцлер предпочитает видеть как можно дальше от столицы.

Враг моего бывшего мужа.

Очень удачно. Для человека, который несколько дней назад отказался от чужой защиты, я удивительно быстро собираю опасных мужчин вокруг себя.

— Вы пытались снять узел? — спрашивает Райнар.

— Пыталась заставить его отпустить человека.

— Это не одно и то же?

— Не знаю.

— Честный ответ.

Он достаёт из кармана чёрную ленту и кладёт мне на ладонь, всё так же не касаясь кожи.

— Перевяжите. До утра не трогайте чужие печати.

— А утром можно?

— Утром я выясню, кто вы.

Вот и вся благодарность за честность.

За поворотом слышатся копыта. Через минуту на дороге появляются шестеро всадников в тёмно-серых плащах. На застёжках тот же дракон, что вырезан на пограничном столбе.

Они спешиваются ещё до полной остановки.

— Генерал, — рыжеволосый офицер быстро оглядывает разбитую карету, связанных магией людей и меня. — Вы нашли нарушение контура?

— Нашёл карету канцлера.

— Это хуже?

— Пока не решил.

Офицер коротко усмехается и тут же становится серьёзным. По знаку Райнара солдаты забирают оружие у охраны. Один надевает на серебряную трубку плотный кожаный чехол с рунами.

— Их не наказывать, — говорю я. — Они пытались предупредить меня.

Рыжеволосый офицер приподнимает бровь.

Райнар смотрит на Эдмара.

— Я слышал.

— Тогда развяжите приказ.

— Я не умею.

Ответ слишком простой для генерала и дракона размером со здание.

— Но вы его остановили.

— Оглушил людей вместе с печатями. Через четверть часа они снова попытаются вас связать.

Лоран тихо ругается, не открывая глаз.

— Прекрасная новость, — говорю я.

— Торен, глушащие скобы. Без боли.

Рыжеволосый кивает. Значит, Торен Корр, адъютант и двоюродный брат генерала. Память Эллары выдаёт имя неохотно, зато хорошо помнит придворную сплетню о том, что один Корр никогда не улыбается, а второй делает это за двоих.

Торен достаёт три тонких обруча. Солдаты закрепляют их поверх знаков допуска. Чёрные нити сжимаются и замирают.

Эдмар открывает глаза.
— Миледи...
— Я цела.
— Приказ... если не сможем вернуть...
Его горло перехватывает. Узел под ключицей давит сильнее.
Райнар опускается рядом.
— Не произноси формулу. Покажи.
Эдмар с трудом двигает двумя пальцами: сначала к Эларе, потом проводит ими по горлу.
Второе условие.
Если не вернуть — заставить замолчать.
На этот раз слово в договоре не понадобилось. Дамиан просто отправил клятву следом.
— Приказ канцлера? — спрашивает Райнар.
Эдмар пытается кивнуть, но чёрный узел дёргается.
— Не отвечай, — обрывает генерал.
Он поднимается и смотрит на меня.
— Или он хочет вернуть вас настолько сильно, что использовал закрытый шифр, или хочет, чтобы я решил, будто хочет вернуть.
— Очень ясная мысль.
— Жертва или приманка, леди Вейр. Я пока не знаю, что опаснее.
— Для кого?
— Для моих людей.
Ни попытки успокоить, ни обещания защитить. По крайней мере, честно.
Солдаты выпрямляют карету. Одна ось треснула, колесо держится под углом. Берн возвращается из леса, бледный и с еловыми иглами в волосах. Торен даёт ему флягу.
— До ближайшего поста четыре мили, — говорит он мне. — Доставим верхом.
— У меня сундук.
Торен смотрит внутрь кареты.
— Один?
— Бывший муж не оставил времени обзавестись вторым.
— Тогда Север уже сэкономил телегу.
Райнар бросает на него взгляд.
— Проверить документы.
— Разумеется.
Торен протягивает руку. Я достаю из дорожной сумки акт передачи, но не отдаю.
— Читать будете при мне.
— Родственница регистратора? — интересуется он.
— Нотариуса.
Слово вырывается раньше, чем я успеваю заменить его местным.
Торен хмурится.
— Кого?
— Человека, который не любит отдавать документы незнакомцам.
— Полезная профессия.
Райнар забирает акт сам. Не выдёргивает, а ждёт, пока я разожму пальцы.
Он читает быстро. На строке о старых правах Вейров задерживается, потом переворачивает лист и проверяет печать на свет.
— Дом Семи Клятв, — произносит он.
Впервые в его голосе появляется что-то кроме холодного внимания.
Не удивление.
Недовольство.

— Он принадлежал моей семье.

— Знаю.

— Теперь принадлежит мне.

— Это утверждает реестр.

— Вы сомневаетесь в печати?

Райнар переводит взгляд на серебряную трубку в руках солдата.

— Сегодня она дала достаточно причин.

Он возвращает документ.

— Куда вы ехали?

— В Дом.

— Нет.

Одно слово. Спокойное, окончательное.

— В акте нет запрета на посещение собственной земли.

— Потому что государственный реестр не распоряжается военными зонами.

— Какими зонами?

Райнар кивает на два каменных столба. Тот, что стоит, теперь хорошо виден на фоне темнеющего снега. Дракон на нём не расправляет крылья.

Он закрывает ими семь переплетённых кругов, вырезанных ниже.

Я не заметила их из кареты.

— Три месяца назад границу северного сектора закрыли, — говорит Райнар. — Были нападения на военные склады и попытки добраться до старых печатей. Въезд только по пропуску командования.

— Дом находится внутри?

— В девяти милях отсюда.

— Дамиан знал.

— Канцлер подписал постановление.

Конечно.

Он отдал мне дом, до которого я не могу добраться законно, прислал охрану с приказом вернуть или заставить замолчать и аккуратно открыл трубку ровно после пересечения границы.

Жертва или приманка.

Возможно, Дамиан пока не решил сам.

— Я покажу акт на вашем посту, — говорю я. — После проверки продолжу путь.

— Не продолжите.

— Генерал, я только что потратила три дня, чтобы перестать спрашивать у мужчины разрешения войти в собственный дом.

Стальные глаза задерживаются на моём лице.

— А я последние десять лет не позволяю людям канцлера свободно ходить по моим дорогам.

— Я не его человек.

— Это предстоит проверить.

— Проверяйте по пути.

Торен кашляет в кулак. Судя по лицу, прячет не кашель.

Райнар медленно застёгивает ворот мундира, закрывая край шрама.

— Вы пересекли закрытую границу без пропуска, леди Вейр. Ваш акт даёт право владеть землёй, но не отменяет военное постановление.

— И что это означает?

Он забирает у солдата мой порванный плащ и протягивает мне.

— По закону я имею право арестовать вас прямо сейчас.

Глава 4. Дом, который слушает

— Тогда арестовывайте.

Я протягиваю Райнару руки.

Чёрная лента на ладони успела намокнуть. Под ней пульсирует ожог, плащ разрезан у застёжки, юбка в снегу и древесной трухе. Для первого ареста в этом мире я могла бы выглядеть достойнее.

Райнар смотрит на мои запястья.

— Я сказал, что имею право.

— Обычно после такой фразы люди переходят к наручникам.

— Вы торопитесь?

— Я провела восемь лет в браке. После него обычная тюрьма хотя бы честно называется тюрьмой.

Торен отворачивается к лошадям. Плечи у него вздрагивают.

Райнар не улыбается.

— Военное постановление позволяет задержать нарушителя до выяснения личности и цели въезда. Вы можете провести это время на посту.

— А Дом останется без проверки.

— Это уже не ваша забота.

— В акте написано обратное.

Я прижимаю документ к груди, пока ветер не вырвал его из пальцев. Райнар смотрит на белый шнур, потом на пограничные столбы.

— Вы всегда спорите с человеком, который только что спас вам жизнь?

— Только когда он сразу после этого решает ею распорядиться.

Стальные глаза становятся уже.

Тело Эллары знает, что в такие моменты нужно опустить взгляд. Софья знает, что если отвести глаза от человека, который толкует закон в свою пользу, он решит, будто толкование принято.

Я не отвожу.

— Генерал, — негромко вмешивается Торен. — В акте есть старые права Вейров. Если Дом действительно открыл контур, безопаснее увидеть это до ночи.

— Ночь уже началась.

— Поэтому предлагаю проверить быстрее, — отвечает Торен.

Райнар переводит на него взгляд. Кузен выдерживает ровно две секунды и перестаёт улыбаться.

— Вы не обязаны пускать меня дальше свободно, — говорю я. — Оформите задержание. Доставьте к объекту, который указан в моих документах и расположен в вашей закрытой зоне. Проверьте Дом, меня и всё, что Дамиан рассчитывал здесь получить.

— Или оставить.

— Тем более.

Ветер шевелит край моего акта. Райнар прижимает его двумя пальцами, не давая бумаге порваться.

— Вы не откроете ни одной запечатанной комнаты без представителя командования.

— Не буду намеренно вскрывать военные печати до проверки.

— Любые печати.

— Только те, которые ваш представитель сможет назвать военными. Остальные принадлежат мне вместе с Домом.

Торен снова кашляет.

Райнар опускает взгляд на мою обожжённую ладонь.

— И не прикасайтесь к чужим клятвам.

— Это было бы проще, если бы чужие клятвы не пытались меня убить.

Несколько секунд он молчит.

— Торен, возьми четверых. Осмотрите внешний контур и останетесь до утра. Леди Вейр считается задержанной и не покидает территорию поместья.

— Разумно, — говорит Торен.

— Доклад в крепость до рассвета.

— Уже менее разумно.

— Корр.

— Молчу.

Райнар снимает с пояса плоский чёрный жетон на шнуре. На одной стороне выбит дракон, на другой две пересекающиеся молнии. Он проводит большим пальцем по металлу, и по краю вспыхивает синяя линия.

— Временный пропуск, — объясняет он, протягивая жетон мне. — Действует до завтрашнего полудня и только в сопровождении моих людей.

Я беру его. Металл тёплый, несмотря на холод.

— Это не означает, что вы свободны, — добавляет Райнар.

— Я заметила по четырём солдатам.

Он поворачивается к Эдмару. Глушащий обруч держит приказ неподвижно, но чёрный узел всё равно сокращается под ключицей.

— Их доставят на пост. До проверки клятвы никого не накажут за нападение.

Райнар уже отходит, когда я спрашиваю:

— Вы знали Вейров?

Он останавливается спиной ко мне.

— Знал ваш Дом.

— Это не одно и то же.

— Именно.

Чёрные искры пробегают по его воротнику. Через мгновение на дороге снова стоит дракон. Снег взлетает от первого взмаха крыльев, ударяет в лицо и забивается под ленту на ладони.

Райнар поднимается над скалами и исчезает в низких облаках.

Торен смотрит ему вслед.

— Он всегда так заканчивает разговор? — спрашиваю я.

— Нет. Иногда сначала отдаёт ещё три приказа.

— Какое облегчение.

Солдаты закрепляют сундук на запасной лошади. Торен собирает воздух под мою ногу вместо ступени, а тело Элары вспоминает боковое седло раньше, чем я успеваю отказаться от помощи.

Мы едем к Дому под конвоем.

Арест всё-таки состоялся. Просто моя камера занимает несколько десятков акров и, по словам бывшего мужа, не имеет крыши.

Дом появляется из снега внезапно.

Сначала видны семь каменных арок. Они стоят вдоль дороги без ворот, обугленные сверху и белые у основания. Между ними ветер носит сухой снег. За арками проступает длинный фасад, вернее, то, что от него осталось.

Правое крыло почернело до самого фундамента. Крыши нет, оконные проёмы открыты небу, из стен торчат обломки балок. Центральная часть уцелела лучше: серый камень треснул, но держится, тяжёлая дверь висит на обеих петлях. Над ней вырезаны семь переплетённых кругов.

Тех самых, что я видела в разбитых зеркалах.

В левом крыле горит одно окно.

— Почти уютно, — замечает Торен.

— Вы умеете лгать убедительнее.

— Умею. Но Дом Вейров всегда плохо относился к лжецам.

Он произносит это легко, хотя пальцы уже лежат на рукояти меча.

Солдаты расходятся вдоль стены. Один проверяет следы у арок, двое уходят к правому крылу. Кобыла отказывается приближаться к центральной двери.

Торен спешивается.

— Стойте.

Он подходит к двери первым. На железных полосах нет военной печати, только лёд и старые потёки ржавчины.

— Контур мёртвый.

Под моей ключицей что-то отзывается слабым теплом.

— Нет.

— Я не чувствую магии.

— А я чувствую холод изнутри.

— Очень полезное свойство на Севере.

Я слезаю с кобылы, опираясь на поданную Тореном руку.

Чёрный жетон Райнара нагревается в кармане, когда я подхожу к двери. На центральном круге лежит толстая корка льда. Стоит приложить пальцы, как она трескается.

Из щели вырывается запах мокрой золы.

Дом узнаёт меня.

Не голосом. Дерево под ладонью едва заметно подаётся вперёд, словно с другой стороны кто-то прислонился ухом.

Я нажимаю.

Дверь не открывается.

В окне левого крыла гаснет свет.

Через минуту сбоку хлопает узкая дверь. На крыльцо выходит женщина в шерстяной кофте, длинной юбке и мужских сапогах. В одной руке у неё масляная лампа, в другой — тяжёлая чугунная сковорода.

Седая прядь делит тёмные волосы почти пополам. Лицо суровое, щёки красные от жара или злости.

— Если вы опять пришли считать стены, — говорит она солдатам, — передайте генералу: правая не выросла, левая не упала. На сегодня всё.

— На этот раз мы привезли хозяйку, госпожа Моррен, — отвечает Торен.

Женщина переводит лампу на меня.

Пламя дрожит. Сковорода медленно опускается.

— Элара?

Тело отзывается раньше памяти. В горле становится тесно, а перед глазами на миг возникает кухня без копоти, женщина моложе и большой медный таз, в котором девочка пускает деревянные кораблики.

— Тавия, — произношу я.

Она подходит быстро. Я ожидаю поклона, вопросов или хотя бы осторожности, но Тавия берёт меня за подбородок и поворачивает лицо к свету.

Ладони у неё тёплые.

— Худющая, — заключает она. — Глаза злые. Значит, действительно Вейр.

— Я рада вас видеть тоже.

Тавия проводит большим пальцем по моей щеке, будто стирает грязь. Взгляд задерживается на пустом запястье.

— Снял всё-таки.

— Браслет?

— Поводок.

Торен тихо втягивает воздух.

Я смотрю на Тавию.

— Вы знали, что в нём?

— Знала, что хорошее на свадьбу не запирают замком без скважины. Остальное расскажешь у огня. У меня суп стынет.

Она поворачивается к центральной двери и ударяет сковородой по железной полосе.

— Открывайся. Девочка домой приехала.

Ничего не происходит.

— Я уже пробовала, — говорю я.

— Просила пустить?

— Это мой дом.

— Это право. Я спрашиваю, просила ли ты Дом.

Тавия поднимает лампу выше. В семи кругах на двери проступают тонкие углубления. Не замочная скважина. Отпечаток ладони, разделённый на линии.

— Он слушает не имена, — говорит она. — И не титулы.

— А что?

— Узнаешь, когда скажешь правду.

Очень удобный ответ для дома без дверной ручки.

Я снова кладу ладонь на холодное дерево. Ожог касается центральной линии, и боль проходит до локтя.

Дом ждёт.

За спиной переминаются лошади. Солдаты говорят вполголоса. Тавия держит лампу, Торен — меч, и все почему-то смотрят на меня так, будто человек из другого мира обязан знать правила родового поместья.

— Я не знаю, что от меня требуется, — говорю я двери. — Не помню половины людей, которых должна помнить, и не понимаю магию, которая несколько дней назад вылезла из моего браслета. Но Дамиан хотел, чтобы я сюда не добралась. Поэтому я всё равно войду.

Дерево под рукой теплеет.

— И никого не впущу без спроса, — добавляю я, глядя на военный отряд.

Торен поднимает брови.

Внутри щёлкает один засов.

Потом второй.

Семь кругов поворачиваются в разные стороны. Дверь открывается сама, медленно отталкивая снег.

Тавия удовлетворённо кивает.

— Вот теперь можно есть.

В центральном холле ещё холоднее, чем снаружи. Снег лежит под провалившейся крышей, лестница обгорела наполовину. Дом не заброшен, а вычищен: нет мебели, книг, металлических креплений с дверей и даже части каменных плит.

— Кто всё забрал? — спрашиваю я.

— Канцелярия, — отвечает Тавия. — После пожара приезжали трижды. Сначала искали государственное. Потом ценное. В третий раз решили, что государственным может быть всё ценное.

— И вы позволили?

Она смотрит на меня без обиды.

— Я одна, они с бумагами и солдатами. У меня тогда сковорода была легче.

— После этого кто-то входил? — спрашивает Торен.

— Пытались. Дом не пустил. Меня считает частью служебного крыла, которую уже поздно выгонять.

Тавия ведёт нас налево. В коридоре становится теплее. Запах золы сменяется луком, травами и настоящей едой.

Кухня уцелела почти целиком. В печи горит огонь, на столе лежит свежий хлеб. Тавия живёт здесь, среди кастрюль, мешков с кореньями и связок сушёной мяты.

Столько лет сторожить наследство, от которого остались стены и одна горячая печь.

— Почему вы не ушли? — спрашиваю я.

Тавия снимает с огня котелок.

— Потому что обещала твоему отцу дождаться.

Я невольно ищу нить.

Ничего.

Ни серебра, ни чёрного узла.

Тавия замечает, куда я смотрю.

— Не всё обещанное нужно закреплять железом, девочка.

Она ставит передо мной миску густого супа.

— Некоторые люди и без магии помнят свои слова.

Я просыпаюсь от стука.

Три коротких удара идут откуда-то из стены. Потом ещё два. Под потолком сыплется пыль.

За окном серое утро. Чёрный жетон Райнара висит на спинке стула: не покидать территорию, не открывать запечатанные двери, не касаться клятв.

Судя по стуку и тёплому камню под босыми ногами, Дом решил проверить, насколько хорошо я исполняю приказы.

В коридоре сталкиваюсь с Тореном. Он застёгивает мундир на ходу, волосы стоят дыбом с одной стороны.

— Вы тоже слышали? — спрашиваю я.

— Если это попытка Дома нас выселить, она слишком вежливая.

Стук повторяется.

Теперь я понимаю: он идёт от центрального холла.

Тавия уже там, во фартуке и со связкой ключей размером с небольшое оружие. Солдат у правого крыла докладывает Торену, что ночью контур был пуст, а сейчас под полом появился отклик.

Тавия суёт мне связку ключей.

— Запрашивай после завтрака. Пойдём.

— Куда?

— Дом тебя зовёт.

— Он стучит в стену.

— Пока ты понимаешь только так.

Мы проходим через холл к длинной галерее. Слева семь окон, справа семь одинаковых дверей. Первые три обгорели, следующие четыре выглядят целыми. На каждой нет ни ручки, ни замка, только круги и короткая фраза, вырезанная в камне.

На первой: «Названное вслух становится условием».

На второй: «Кровь подтверждает имя, но не волю».

На третьей надпись разбита огнём.

— Что было здесь? — спрашиваю я.

— Залы разбора, — отвечает Тавия. — Сюда приносили клятвы, которые обычный реестр признавал правильными, а люди — нет.

— Независимый суд?

— Когда-то.

Торен идёт за нами. Его обычная лёгкость исчезла.

— Корона закрыла такие суды больше сорока лет назад.

— Корона много чего закрыла, — говорит Тавия. — Сквозняк остался.

Стук раздаётся снова. На этот раз он приходит из четвёртой двери.

Я подхожу. Под пальцами камень холодный, но глубоко внутри тянется слабая золотистая нить. Она не выходит наружу. Ждёт чего-то.

Прежде чем Торен успевает ответить, снаружи звенит колокол.

Не дверной. Большой, глухой, давно не использовавшийся. Его звук проходит по дому, и золотая нить под моей ладонью вздрагивает.

— Кто-то у арок, — говорит солдат.

— В закрытой зоне? — Торен уже разворачивается.

— Местные имеют пропуска, — объясняет Тавия. — А этот колокол не для гостей.

— Для кого?

Она смотрит на четвёртую дверь.

— Для тех, кому больше некуда нести договор.

У входа стоят трое.

Молодая худощавая женщина в старом коричневом пальто, девочка и мужчина с кожаной папкой. Светлая коса женщины перекинута через плечо, руки спрятаны глубоко в рукавах.

Девочке лет восемь. Две неровные косички, веснушки, сапоги велики на пару размеров. Она цепляется за пальто матери и смотрит не на солдат.

На Дом.

Мужчина с папкой одет лучше обоих: меховой воротник, бронзовый знак лицензированного сборщика, чистые перчатки.

— Леди Вейр? — спрашивает он.

— Кто интересуется?

— Орс Гран, уполномоченный долгового дома Ресс. Мне сообщили, что поместье открылось и новая владелица прибыла.

Тавия делает шаг вперёд.

— Яра Дорн. Давно ты приводишь сборщиков к моему порогу?

— Не приводила, госпожа Моррен. Он шёл за мной.

Яра вытаскивает руки из рукавов.

На запястьях серые полосы. Они похожи на следы от тесных браслетов, только металл там никогда не лежал. От обеих меток к папке Орса тянутся серебряные нити.

Вокруг них затянут чёрный узел.

Я вижу его так ясно, что перестаю слышать ветер.

Узел проходит через папку, возвращается к Яре и тонкой петлёй тянется к девочке. Пока не касается её. Просто ждёт рядом с шеей.

— Покажите документ, — говорю я.

Орс прижимает папку к боку.

— Это частное долговое обязательство.

— Тогда зачем вы принесли его в мой Дом?

— Мне требуется свидетельство землевладельца. Госпожа Дорн отказывается подтвердить обновлённые условия, хотя прежняя клятва позволяет взыскателю потребовать обеспечение.

Девочка сильнее сжимает пальто матери.

— Какое обеспечение?

Орс переводит взгляд на неё.

— Семейную службу.

— Мне восемь, — говорит девочка.

Голос у неё тонкий, но не дрожит.

— Служба начнётся после двенадцати, — терпеливо объясняет Орс. — До этого ты останешься с матерью, а после будешь жить в доме взыскателя.

— Как долго? — спрашиваю я.

Орс снова смотрит на меня.

— Пока обязательство семьи не будет исполнено.

— Сумма?

— Тридцать восемь серебряных марок с начислениями.

Яра вздрагивает.

— Было девятнадцать. Я вернула двенадцать и шила на дом Ресс всю осень.

— Стоимость материалов, проживание заказчика в городе, регистрационные сборы и просрочка увеличили остаток.

— Заказчик жил в городе и добавил это к её долгу?

— Расход возник при исполнении договора.

— Наверное, ещё и ел.

— Суточное содержание также учтено.

Конечно.

Долговой дом кормит собственных людей, а платит женщина, которая этих людей не приглашала.

Орс раскрывает папку. Внутри старый договор с кровавым отпечатком Яры и новый, где оставлено место для второго.

Чёрная нить лежит под строками. Она тянется к Мэй каждый раз, когда Орс касается места для подписи.

— Леди Вейр, вам достаточно засвидетельствовать, что госпожа Дорн понимает последствия отказа. Если она подтвердит обновление сегодня, девочка останется с ней ещё четыре года.

— А если не подтвердит?

— Прежний договор допускает немедленное изъятие имущества семьи.

— У нас нет имущества, — говорит Яра.

Орс поправляет перчатку.

— Поэтому дом Ресс считает труд дочери единственным обеспечением.

Мэй выходит вперёд и закрывает мать собой. Макушка едва достаёт Яре до плеча, но руки расставлены так широко, будто ими можно остановить закон.

Чёрная петля дёргается к её горлу.

В стене за моей спиной раздаётся удар.

Дом слышит.

— Внутрь, — говорю я.

— Для свидетельства достаточно крыльца, — возражает Орс.

— Тогда ищите другого свидетеля.

Я иду в холл. Через несколько секунд он следует за мной: люди с кабальными договорами не любят выпускать бумагу из поля зрения.

Мы устраиваемся за уцелевшей стороной длинного стола. Торен остаётся возле окна, Яра садится напротив меня, Мэй прижимается к её боку.

Орс кладёт документы между нами.

— Вы знакомы с долговым правом северного округа? — спрашивает он.

— Нет.

Его плечи расслабляются.

— Но знакома с людьми, которые прячут главное условие после слов «прочие расходы».

Плечи снова поднимаются.

Я разворачиваю старый договор. В нём указаны девятнадцать марок, срок в два года и возможность погашения швейной работой.

Серебряная нить проходит через сумму и отпечаток Яры. Она тусклая, истончённая, но ровная.

Яра занимала деньги. Она обещала вернуть.

Чёрный узел начинается ниже.

В случае смерти, болезни или просрочки обязательство переходит к прямым наследникам. Форму, место, продолжительность и стоимость службы определяет взыскатель. Пища, одежда и обучение добавляются к долгу по его же тарифу. Срок не ограничен.

Новый документ не создаёт условие. Он заставляет Яру признать, что оно существовало всегда и было добровольным.

— Прочтите вслух этот абзац, — говорю я.

Орс не смотрит на строку.

— Госпожа Дорн умеет читать.

Яра прячет пальцы в рукавах.

— Немного. Там слова реестра. Я не все понимаю.

— Тогда прочтите вы, — повторяю я.

— Я не обязан участвовать в представлении.

— Зато хотите, чтобы я засвидетельствовала понимание. Начните с собственного.

— При невозможности погашения обязательство переходит к прямому наследнику, — читает он. — Форма исполнения определяется взыскателем с учётом суммы и обстоятельств.

— Не пересказывайте. Читайте полностью.

Орс подчиняется. Тавия ставит рядом со мной кружку горячего отвара, и дерево под её ладонью глухо стучит.

Чёрный узел шевелится на каждом слове. Петля возле Мэй становится плотнее. Девочка трёт шею, хотя ещё ничего не подписала.

— Яра, — спрашиваю я, когда он заканчивает, — вы брали девятнадцать марок?

— Да. Мэй болела. Лекарь не пришёл бы без денег.

— Вы обещали вернуть долг работой и монетой?

— Да.

Серебряная нить вспыхивает чуть ярче.

— Вы обещали отдать дочь?

— Нет.

Чёрный узел сжимается. Яра резко втягивает воздух и хватается себя за запястье.

— Осторожнее с ответами, — предупреждает Орс. — Старая клятва наказывает за отрицание подтверждённых условий.

— Условия подтвердили за неё, — говорю я.

— Она поставила кровь.

— Кровь подтверждает имя, но не волю.

Фраза с двери приходит сама.

В галерее что-то ударяет изнутри четвёртой комнаты. Орс бледнеет, Торен отходит от окна.

— Леди Вейр, — произносит он тише. — Возможно, стоит остановиться.

— Дом меняет контур.

Под столом действительно проходит дрожь. Из щелей поднимается старая пыль. Чёрный жетон Райнара на моей шее нагревается.

— Вы задержаны и не должны касаться печатей, — напоминает Торен.

Пока я и не касаюсь.

Мэй берёт мать за руку. На её маленьких пальцах нет ни серебряной нити, ни следа обещания. Только чёрная петля, которая пытается сделать её участницей чужого договора.

— Мама никому меня не обещала, — говорит она.

Дом отвечает.

Семь ударов проходят по стенам один за другим.

Я вижу договор целиком. Не слова — связи.

Серебряная нить идёт от Яры к девятнадцати маркам, потом делится: двенадцать погашенных участков тёмные, оставшиеся семь ещё светятся. Рядом к ней пришито всё остальное — проживание чужих людей, еда, пошлины, неопределённый труд, жизнь Мэй и право Орс назначать цену каждому дню.

Чёрные стежки, добавленные поверх обещания.

Я кладу ладонь на бумагу.

— Не делайте этого, — резко говорит Торен.

Ожог вспыхивает болью.

Чёрный узел бросается вверх, обвивает пальцы и тянет к Яре. В прошлый раз я пыталась разорвать его силой. Сейчас не тяну. Не знаю, как это делаю, просто удерживаю границу между серебром и чёрными стежками.

Семь марок и обещание вернуть остаются отдельно от всего остального.

— Яра Дорн признала долг в девятнадцать серебряных марок, — произношу я. — Вернула двенадцать. Остаток — семь.

— Вы не имеете права пересчитывать утверждённые начисления, — говорит Орс.

— Я их не пересчитываю. Я ищу согласие.

Пальцы немеют. Чёрные стежки впиваются в кожу, но не проходят глубже.

— Она согласилась вернуть то, что взяла. Не соглашалась оплачивать проживание ваших служащих, цену которого не знала. Не соглашалась на бессрочную службу. Не соглашалась передать вам ребёнка.

Орс вскакивает.

— Клятва заверена реестром!

— Тогда реестр заверил ложь.

Слова ударяют по залу.

Чёрный узел лопается.

Не громко. Раздаётся звук рвущейся мокрой ткани. Из-под моей ладони вырываются тонкие чёрные нити, мечутся над столом и осыпаются пеплом.

Серебряная остаётся.

Она становится тоньше, чище и заканчивается на цифре семь.

Яра вскрикивает. Серые полосы на запястьях темнеют, затем сходят с кожи, будто их стирают изнутри. Она прижимает руки к груди.

Петля возле Мэй исчезает.

Девочка ощупывает шею.

— Тепло, — шепчет она.

Мне тоже тепло.

Слишком.

Ладонь горит. Под чёрной лентой проступает кровь, новая тонкая линия пересекает старое кольцо.

Торен оказывается рядом. Он не хватает меня, только смотрит на бумагу и на пепел.

— Что вы сделали?

— Оставила долг. Убрала людей, которые его не брали.

Орс пытается выдернуть документ из-под моей руки.

Стол удерживает бумагу.

Дерево выгибается вокруг листа, зажимая края. Сборщик тянет сильнее, но документ не двигается.

Тавия усмехается.

— Дом не любит, когда уносят незаконченный разбор.

— Это уничтожение реестровой печати, — выдыхает Орс.

— Печать цела, — говорит Торен.

Он наклоняется к документу. Серебряный знак внизу действительно остаётся. Чёрная строка о наследниках побледнела, а рядом проступили новые слова, выведенные золотом:

«Подтверждено добровольное обязательство Яры Дорн на сумму семи серебряных марок. Переход долга, служба наследника и односторонние начисления в волю должника не входили».

— Такого не бывает, — произносит Орс.

— Уже произошло, — отвечаю я.

Где-то в глубине Дома с грохотом открывается заслонка.

Потом вторая.

Огонь вспыхивает сразу в семи мёртвых очагах.

Я не вижу их, но чувствую каждый. Жар проходит по каменным каналам, лёд внутри стен трескается, трубы стонут. По холлу прокатывается волна тёплого воздуха, поднимает пепел и шевелит волосы.

Солдаты обнажают мечи.

— Если начнёте рубить печи, я вас выставлю, — предупреждает Тавия.

— Дом пробуждает контур! — говорит один из них.

— Значит, наконец согреемся.

Пол под ногами вспыхивает золотисто-белыми линиями.

Они бегут от стола к стенам, уходят под снег во дворе, поднимаются по лестнице. В каждой двери галереи поворачиваются семь кругов.

Четвёртая открывается.

Из тёмного проёма тянет сухим камнем и железом.

Мэй отпускает мать и делает шаг вперёд.

— Он нас зовёт, — говорит она.

— Дом? — спрашивает Торен.

Девочка качает головой.

— Нет. Он говорит, что теперь не страшно.

Взрослые молчат.

Я обматываю ладонь лентой плотнее и встаю.

— Орс, вы можете забрать копию после того, как Дом её отпустит. Долг Яры остаётся. Семь марок, без ребёнка и расходов на аппетит ваших служащих.

— Долговой дом оспорит это решение.

— Пусть приходит с договором.

Тавия ставит сковороду на стол.

— И без меховых воротников. Пыль собирают.

Орс смотрит на неё, на солдат и на лист, который не может унести. Потом натягивает перчатки и выходит.

Яра остаётся сидеть.

— Я всё равно должна семь, — говорит она.

— Да.

Она поднимает на меня глаза. В них нет ожидаемой благодарности. Только усталость и осторожность человека, который слишком часто видел, как помощь превращают в новый счёт.

— И что вы потребуете?

— Ничего. Это не мой долг.

— Тогда зачем вы...

Я смотрю на Мэй. Девочка уже стоит у открывшейся двери и греет ладони над золотой линией в полу.

— Потому что она права. Вы её не обещали.

Яра закрывает лицо руками.

Плечи дёргаются один раз. Без звука.

Тавия кладёт ей ладонь на затылок и не говорит ни слова.

За четвёртой дверью находится круглый зал.

Потолок низкий, стены голые. Здесь нет книг, столов или кресел. Только чёрный каменный пол, разделённый тонкими бороздами, и семь пустых ниш.

Когда я переступаю порог, золотисто-белые линии входят следом.

Они заполняют борозды.

Сначала появляется контур Дома: центральный холл, два крыла, семь арок и подземные комнаты, которых на поверхности быть не должно. Потом линия уходит за стены, проходит через двор и разветвляется по северному округу.

Карта.

Торен останавливается рядом со мной.

— Здесь нет военной магии, — говорит он.

— Разочарованы?

— Напуган.

Он произносит это спокойно, без улыбки.

По карте загораются новые нити. Серебряные, золотые, серые. Одни тянутся к деревням, другие к старой дороге, несколько обрываются у границы земель Вейров.

Чёрные появляются последними.

Тонкие узлы мерцают возле трёх поселений. Один лежит на заброшенной заставе, которую мы проехали вчера. Ещё два уходят за пределы карты.

А потом пол пересекает цепь.

Не нить. Толстая чёрная полоса, составленная из звеньев. Она выходит из самого глубокого подземного уровня Дома, поворачивает на северо-восток и тянется через горы.

Под подошвами проходит тяжёлый удар.

Мэй прижимает ладонь к камню.

— Там больно, — говорит она.

— Где? — Яра подходит к дочери.

Девочка показывает на конец цепи.

На чёрном камне под пальцем проступает крепость: пять башен, внутренняя стена и знак дракона с двумя молниями.

Такой же знак выбит на жетоне у меня на шее.
Торен опускается на одно колено. Касаться цепи не решается.
— Крепость Корр, — произносит он.
— Райнар говорил, что Дом связан со старыми печатями.
— Он не говорил, что Дом видит наши клятвы.
Чёрные звенья вздрагивают.
Где-то далеко, за горами, отвечает второй удар.
Самая толстая цепь на карте ведёт прямо в крепость Райнара.

Глава 5. Генерал на цепи (Райнар)

Приказная трубка молчит, пока я держу её над огнём.

Серебро темнеет, руны на боках проступают одна за другой. Защитные. Курьерские. Канцелярские. Последние обычно вплетают в государственные послания, чтобы чужой человек не смог ни открыть приказ, ни изменить хотя бы слово.

Эту трубку открыли трое гвардейцев сразу.

И ни один не хотел исполнять то, что услышал.

— Ещё выше, — говорит Йорен.

Я поднимаю руку. Пламя касается металла, но не плавит его. Запах нагретого серебра смешивается с горьким дымом можжевельника. На дне жаровни сгорают защитные соли, и с каждой секундой их становится меньше.

Капитан Йорен Васк стоит по другую сторону стола. Бритая голова блестит от жара, тяжёлые пальцы лежат на краю каменной столешницы. Он командует третьим крылом несколько лет и за всё это время не предложил мне удобной версии ни одного события.

Поэтому я держу его рядом.

— Внешний слой цел, — произносит он. — Трубку не вскрывали.

— Её не требовалось вскрывать. Приказ уже находился внутри.

— До отъезда леди Вейр?

— До пересечения границы.

Я поворачиваю трубку щипцами. Возле крышки проступает узкая полоса. Не руна, а след руны, стёртой до того, как металл остыл.

Йорен наклоняется ниже.

— Канцелярский ключ.

— Личный.

В комнате становится тихо. За толстой дверью ходят солдаты, во дворе лязгает цепь подъёмного моста, ветер бьёт снегом в узкие окна. Обычный звук крепости, которая стоит здесь дольше, чем живёт любой из нас.

Сегодня он мешает меньше, чем молчание капитана.

— Арден отдал приказ убить собственную жену? — наконец спрашивает Йорен.

— Бывшую.

— Это многое меняет.

— Для канцелярии — вероятно.

Я убираю трубку от огня. Серебро быстро остывает, но полоса личного ключа остаётся тёмной.

Приказ был прост: вернуть Элору Арден в столицу. При невозможности — заставить замолчать.

Ни срока. Ни ограничения силы. Ни права исполнителя оценить угрозу.

Такие формулировки не оставляют человеку выбора, зато потом оставляют государству возможность назвать его виновным.

— Гвардейцы на нижнем посту, — сообщает Йорен. — Скобы держат. Лекарь осмотрел двоих, третий уже встал.

— Не снимать глушение.

— До какого срока?

— Пока не выясним, куда вплетён приказ.

Капитан кивает и выпрямляется. Он не спрашивает, почему я не отправляю трубку в Имперский реестр. Там её должны исследовать по закону.

Там же её потеряют по распоряжению человека, чья печать проступила на металле.

— И ещё, — говорю я. — Подними все приказы, пришедшие из столицы за последние три месяца. Отдельно те, что касались закрытия сектора Вейров.

— Их подписывал канцлер.

— Поэтому и подними.

Йорен смотрит на меня на секунду дольше положенного.

Под воротом мундира сжимается старый шрам.

Сначала боль проходит под ключицей. Потом тянется к груди, туда, где много лет лежит клятва короне. Она не любит, когда приказ ставят под сомнение. Даже если приказ ещё не отдан мне.

Я дал эту клятву в день, когда Совету понадобилось доказательство, что обвинение против отца не делает сына изменником. Формулировку читал вслух имперский регистратор. Золотая нить легла вдоль позвоночника. Серебряная сомкнулась на сердце.

Чёрной тогда не было.

Или я её не видел.

— Что-нибудь ещё? — спрашивает Йорен.

— Никому не докладывать о трубке без моего разрешения.

Боль усиливается.

Я жду, пока она дойдёт до рёбер и остановится. Дыхание не меняю.

— Это прямое нарушение порядка расследования, — замечает капитан.

— Да.

— Хорошо.

Он забирает список печатей и выходит.

Дверь закрывается. Я кладу трубку в чёрный футляр, запираю три замка и ставлю собственную печать. Синяя молния проходит по крышке.

В этот момент жетон на моём поясе нагревается.

Не тот, который я отдал Эларе. Его парный знак.

По краю металла вспыхивает воздушная руна Торена, складывается в четыре коротких строки.

Семь очагов зажглись.

Четвёртый зал открыт.

Дом показывает клятвы.

Твоя ведёт сюда.

Я перечитываю последнюю строку дважды.

Потом тушу жаровню ладонью.

Над Домом Вейров нет дыма.

Жар выходит иначе: снег вокруг семи арок просел, на сером камне блестит вода, а из щелей центрального корпуса поднимается пар. Обгоревшее правое крыло всё ещё открыто небу. На крыше служебного кто-то уже закрепил две новые доски.

Дом простоял мёртвым много лет и начал чинить себя через несколько часов после возвращения хозяйки.

Удобное совпадение.

Я снижаюсь над двором. Солдаты замечают тень, расходятся от входа. Чёрный жетон в руке одного вспыхивает, подтверждая караул.

Крылья складываются ещё до того, как когти касаются земли. Превращение проходит быстро, с сухим треском костей и короткой вспышкой грозового пламени. Через мгновение снег под сапогами плавится, а мундир застёгнут до горла.

Торен ждёт на крыльце.

— Ты опоздал, — сообщает он вместо приветствия.

— На что?

— На спор с долговым сборщиком. Тавия выставила его без обеда. Леди Вейр оставила ему долг без ребёнка.

— Что это значит?

— Сам пытаюсь привыкнуть к формулировке.

Я поднимаюсь по ступеням. Камень под подошвами отзывается глухим ударом.

— Ты должен был не позволять ей касаться чужих клятв.

— Я не позволял.

— Торен.

— Она не спросила.

Он открывает дверь. Изнутри пахнет золой, мокрой шерстью и чем-то съедобным. После ночи в выжженном доме последнее раздражает сильнее всего.

— Четверо вооружённых людей не смогли остановить одну задержанную женщину?

— Смогли бы. Но тогда восьмилетняя девочка через четыре года ушла бы в долговую службу. Я решил, что в рапорте это будет смотреться хуже.

— Ты решил.

Улыбка у Торена исчезает.

— Да.

Он не оправдывается. По этой же причине я держу рядом и его.

В центральном холле тепло. Не по-зимнему и не по правилам давно остывшего камня. Огонь горит в двух видимых очагах, ещё пять слышны за стенами. Пламя ровное, почти белое у основания.

За длинным столом сидят женщина со светлой косой и девочка. Перед ними миски с похлёбкой. Тавия Моррен стоит у печи с чугунной сковородой в руке.

Она смотрит на меня так, будто я лично годами не присылал ей дрова.

Возможно, так и есть.

Элара находится у окна. Тёмно-каштановые волосы собраны на затылке чужой лентой, платье со вчерашнего дня не стало теплее, а на правой ладони появилась новая повязка. Чёрная ткань пропитана кровью возле большого пальца.

Она поворачивается, когда дверь закрывается.

Ни облегчения. Ни попытки объясниться первой.

— Генерал.

— Леди Вейр.

Элара снимает с шеи мой жетон и кладёт на край стола.

— Пропуск действует ещё четверть часа, — говорю я.

— Я никуда не собираюсь.

— Вы задержаны.

— Именно поэтому не хочу случайно воспользоваться лишней свободой.

Торен проходит мимо меня и забирает со стола кружку. Тавия ударяет его по пальцам полотенцем.

— Сначала гостю, — говорит она.

— Я здесь второй день.

— А ведёшь себя как первый.

Она ставит другую кружку передо мной. Отвар пахнет можжевельником и сушёной ягодой.

— Я не гость.

— Тогда не стойте на проходе.

Элара опускает взгляд на кружку, скрывая выражение лица. Плечо едва заметно двигается.

Тавию это устраивает. Меня — нет.

— Покажите зал, — говорю я.

— Сначала вы скажете, что будет с Ярой и её дочерью.

Светловолосая женщина замирает над ложкой. Девочка продолжает есть, но медленнее.

— Это не военное дело.

— Сборщик назовёт случившееся уничтожением государственной печати. Ваши солдаты были свидетелями.

— Печать уничтожена?

— Нет.

— Тогда в моём рапорте будет написано, что государственная печать не повреждена.

— А остальное?

— Не относится к закрытому сектору.

Элара изучает меня несколько секунд. Будто ищет условие, которое я не произнёс.

Мне знаком этот взгляд. Так смотрят на минное поле, когда знают, что проход есть, но не верят проводнику.

— Благодарю, — говорит она.

— Я не оказывал вам услугу.

— Поэтому и благодарю.

Она отходит от окна. Тавия подаёт ей тёплый плащ, но Элара качает головой. Хозяйка Дома ведёт нас в галерею в том же тонком платье, в котором приехала на Север.

Не просит ни одежды, ни лекаря, ни защиты.

Меня не должно это раздражать.

— Вы нарушили прямой приказ, — говорю я, когда мы остаёмся за дверью холла.

Элара смотрит на забинтованную ладонь.

— Знаю.

— И всё равно коснулись клятвы.

— Она касалась ребёнка первой.

— Это объяснение не защитит вас, если в следующий раз узел убьёт обе стороны.

— А ваш приказ защитит?

— Он хотя бы оставит вас в живых.

— Для чего?

Вопрос задан спокойно. Без вызова. Поэтому ответить на него сложнее.

— Пока не выяснено, зачем канцлер отправил вас сюда, вы представляете ценность.

— Наконец честная причина.

Она идёт дальше.

На стенах галереи проступили надписи. Вчера их не было видно под гарью и льдом. Семь дверей стоят одна за другой. У четвёртой золотисто-белые линии собираются плотнее, остальные остаются закрытыми.

— Канцлер отправил меня сюда? — спрашивает Элара, не оборачиваясь.

— Он отдал вам Дом.

— После того как я потребовала его при свидетелях.

— И позволил доехать до границы.

— С приказом убить меня, если я не поверну назад.

— Поэтому я рассматриваю обе версии.

— Жертва или приманка?

Торен бросает на меня короткий взгляд. Значит, успел пересказать.

— Да.

Элара останавливается у четвёртой двери.

— А третья версия?

— Какая?

— Что Дамиан ошибся.

Она входит в зал.

Карта занимает весь пол.

Сначала я вижу линии застав, дорог и деревень. Потом — нити. Серебряные тянутся к военным постам, золотые уходят глубже под камень, серые путаются возле поселений. Чёрные узлы выглядят как грязь на чистом снегу.

Цепь пересекает всё.

Толстые звенья выходят из центра Дома, проходят под северными землями и заканчиваются знаком крепости Корр. Рядом с пятью башнями лежит дракон с двумя молниями.

Мой знак.

— После пробуждения она не исчезала, — говорит Торен.

— Кто касался?

— Никто.

Я смотрю на него.

— Мэй положила ладонь рядом, — уточняет он. — Не на цепь.

Девочка стоит в дверях вместе с матерью. Услышав имя, она прячет руки за спину.

— Там больно, — сообщает она.

— Уже говорила, — шепчет Яра и пытается увести дочь.

— Пусть останется, — говорит Элара. — Дом открыл зал после её слов.

Я приседаю возле края карты. От чёрного камня идёт слабая дрожь. Цепь не нарисована на поверхности. Каждое звено уходит вглубь и возвращается, словно проходит сквозь пол.

Приближать руку не требуется. Шрам под мундиром отзывается сам.

Сжимается.

На этот раз боль не останавливается у рёбер. Она входит в сердце тупым металлическим крюком.

Я выпрямляюсь.

— Райнар? — тихо произносит Торен.

— Закрой дверь.

— Зачем?

— Чтобы никто не вошёл.

Он выполняет приказ. Я делаю шаг к знаку крепости.

Чёрная цепь на полу дёргается.

Элара резко втягивает воздух.

Её взгляд скользит от карты к моей груди. Серо-зелёные глаза становятся темнее.

— Не двигайтесь.

— Вы отдаёте мне приказ?

— Предлагаю не делать хуже.

— Чем?

Она не отвечает. Подходит ближе, медленно, будто к раненому зверю. Это сравнение мне не нравится. Ещё меньше нравится то, что золотые линии тянутся следом за её ногами.

— Расстегните ворот, — говорит Элара.

Торен очень тихо выдыхает.

— Нет.

— Тогда скажите, где заканчивается шрам.

— Это не имеет отношения к карте.

— Он только что почернел.

Я опускаю взгляд. Над воротом действительно проступил край чешуи. Одна пластина, потом вторая.

Цепь на полу сокращается.

Сердце пропускает удар.

Элара оказывается передо мной. Макушкой едва достаёт до подбородка, левая рука прижата к груди, правая поднимается к вороту мундира.

Я перехватываю её запястье.

— Я запретил вам касаться чужих клятв.

— А я запретила вам двигаться.

— Вы не в том положении, чтобы запрещать.

— Тогда продолжайте сжимать мне руку. Посмотрим, кого из нас Дом услышит первым.

Под моими пальцами бьётся пульс. Быстро, несмотря на спокойный голос.

Элара боится.

И всё равно не отступает.

— Что вы видите? — спрашиваю я.

— Пока только то, что цепь проходит не к крепости.

— На карте она заканчивается здесь.

— Крепость стоит между нами. Она проходит к вам.

Её забинтованная ладонь касается моего мундира.

Ткань, кожа и кость исчезают.

Остаётся удар.

Он входит в грудь изнутри. Чёрное звено рвётся к горлу, серебряная нить затягивается на сердце, и мир на мгновение становится слишком тесным для человеческого тела.

Грозное пламя взрывается под языком.

Я успеваю оттолкнуть Торена воздушной волной. Элара разворачивает вместе со мной. Каменная стена ударяет её в спину, мои когти входят в кладку по обе стороны от её плеч.

Чешуя закрывает шею и половину лица. Пальцы больше не стигаются по-человечески. В зрачках остаётся только узкая вертикальная щель.

Элара зажата между стеной и драконом, которому не хватает места обратиться полностью.

От её повязки пахнет свежей кровью.

Чёрная цепь требует сомкнуть когти.

Не на ней.

На любом, кто коснулся узла.

— Райнар, — говорит Торен.

Я слышу его далеко.

Элара не пытается вырваться. Только поворачивает лицо, когда край чешуи задевает её висок.

— Отпустите меня.

Два слова.

Без крика. Без просьбы повторить.

Я выдёргиваю когти из стены и отступаю.

Сразу.

Элара остаётся на месте ещё секунду. Потом медленно выпрямляется и проверяет затылок. На пальцах нет крови.

— Спасибо, — произносит она.

В груди всё ещё горит. Чешуя уходит неохотно, когти сокращаются с хрустом. Я заставляю руки опуститься.

— Не благодарите меня за то, что я не должен был делать.

— Я благодарю за то, что вы остановились.

— Вы приказали.

— Я попросила.

Торен поднимается с пола. Воздух вокруг него дрожит, на губе выступила кровь.

— В следующий раз, — говорит он, вытирая её большим пальцем, — предупреждайте, прежде чем проверять, кто из вас упрямее.

— Следующего раза не будет, — отвечаю я.

— Согласна, — говорит Элара.

Она не смотрит на вмятины в стене. Только на мою грудь.

— Что вы увидели?

— Узел.

— Какой?

— Старый. Серебряный внутри, чёрный снаружи. Серебряная часть удерживает вашу присягу. Чёрная затягивает её каждый раз, когда вы сопротивляетесь приказу.

Шрам снова сжимается, подтверждая слова.

— Это императорская клятва.

— Была ею.

— Вы не знаете, что видели.

Элара поднимает забинтованную ладонь. Чёрная ткань разошлась, ожог снова кровит.

— Я коснулась такого же стежка несколько дней назад. Он заставил троих людей напасть на меня. На каждом звене вашей цепи стоит тот же оттиск.

— Канцелярский.

— Дамиана.

Имя ударяет точнее боли.

Торен перестаёт вытирать кровь.

— Уверены? — спрашивает он.

— Нет, — отвечает Элара. — Поэтому не стану делать вид, что понимаю всю клятву. Но я знаю почерк человека, который восемь лет прятал чёрные условия в моём браслете.

Она подходит к цепи на полу, но больше не касается.

— Императорская нить идёт глубже. Она ровная. Эта обвилась вокруг неё и присвоила право на приказ. Печать Дамиана буквально держит ваше сердце.

В зале тихо потрескивают золотые линии.

Я смотрю на знак крепости. Потом на свою ладонь. Чешуя исчезла, но под ногтями осталась каменная крошка.

— Вы можете убрать её? — спрашивает Торен.

Элара поворачивается к нему.

— Если хотите похоронить генерала сегодня, могу попробовать.

— Не хотим.

— Тогда нет.

— Но позже?

— Я не знаю.

Она говорит это без желания смягчить ответ.

— Вы могли бы солгать, — замечаю я. — Пообещать снять клятву в обмен на защиту.

— Могла бы.

— Почему не лжёте?

— Дом плохо относится к лжецам.

— Мы не у двери.

— Я всё ещё внутри.

На этот раз Торен не скрывает короткую усмешку.

Я поворачиваюсь к нему.

— Выведи Яру и ребёнка. Поставь караул у галереи. Никого не пускать без разрешения леди Вейр.

Элара приподнимает брови.

— Моего?

— Дом ваш.

— А сектор ваш.

— Поэтому разрешения потребуется два.

— Уже похоже на договор.

— Не привыкайте.

Торен открывает дверь. Яра быстро уводит дочь, но Мэй задерживается на пороге. Смотрит на мою руку.

— Они чёрные? — спрашивает она.

— Кто?

— Чешуйки.

— Да.

— Красивые.

Яра шепчет извинение и тянет её за собой.

Элара смотрит им вслед. На губах появляется движение, слишком короткое для улыбки.

— После нападения вы не попросили охрану, — говорю я.

— Я была под вашей охраной, когда нарушила приказ.

— Это не ответ.

— Защита, которая начинается с ареста, плохо располагает к просьбам.

— Ваше временное задержание прекращено.

— Уже?

— Это была проверка, а не приговор.

— Тогда заберите жетон.

— Оставьте. Если цепь на карте изменится, сломаете крайнюю руну. Парный знак нагреется у меня.

— Это приказ?

— Инструкция.

— Уже лучше.

— Ваш бывший муж уже пытался вернуть вас силой.

— Знаю.

— И попробует снова.

— Знаю.

— Вы собираетесь ждать его здесь с Тавией и сковородой?

— Сковорода тяжёлая.

Я смотрю на неё.

— Это была шутка, генерал.

— Плохая.

— На Севере всё строже, чем я думала.

Она поправляет повязку. Пальцы дрожат. Совсем немного, но теперь я знаю, что искать.

— Четверо солдат останутся снаружи, — говорю я. — Не для вашего ареста. Для защиты границы и свидетелей.

— Они подчиняются той же клятве, что и люди Дамиана?

— Нет.
Слишком быстрый ответ.
Чёрная цепь под ногами вздрагивает.
Элара опускает взгляд.
— Вы уверены?
Я не отвечаю.
Она тоже.
Впервые её молчание похоже не на спор.

К ночи крепость перестаёт казаться моей.
Я знаю каждый коридор, каждую лестницу и слабое место в наружной стене. Знаю, где зимой промерзает камень, какой караул опаздывает на смену на три минуты и кто из поваров крадёт соль со склада. До сегодняшнего дня этого было достаточно.

Теперь под полом лежат чужие нити.

Я чувствую их после Дома. Не вижу, как Элара, только различаю слабое давление в камне, когда прохожу над старой оружейной, залом присяги и нижним архивом.

Цепь тянется следом.

Торен возвращается после заката. Снег на плаще успел растаять и замёрзнуть снова.

— Караул поставлен, — докладывает он, входя в мой кабинет. — Тавия обещала кормить солдат, если они будут колоть дрова, и выставить, если назовут это повинностью.

— Леди Вейр согласилась?

— Она сказала, что не просила защиты.

— Я знаю.

Торен садится без разрешения. На нижней губе осталась тонкая трещина после удара в зале.

— Ты прижал её к стене.

— Я помню.

— Хорошо.

— Что именно?

— Что помнишь.

Он берёт со стола приказную трубку. Футляр обжигает его синей искрой, и Торен сразу убирает руку.

— Личный ключ?

— Дамиана.

— Значит, она не ошиблась.

— Это ничего не доказывает.

— Конечно. Дом нарисовал цепь к твоей крепости, клятва едва не заставила тебя обратиться, а приказ канцлера лежит у тебя на столе. Совершенно независимые события.

— Ты закончил?

— Нет. Но могу сделать перерыв.

Я открываю донесения третьего крыла. За три месяца из столицы пришло двадцать семь приказов. Девять касаются закрытого сектора, пять — старых печатей, один требует передать Имперскому реестру все найденные документы Вейров без описи на месте.

Подпись канцлера стоит на каждом.

— Райнар, — говорит Торен уже без улыбки. — Если Арден может отдавать тебе прямые приказы, почему ни разу не воспользовался?

— Кто сказал, что не воспользовался?

Он молчит.

Я перелистываю страницу.

Закреть сектор.

Не допускать гражданских.

Изымать старые печати.

Передавать их в столицу.

Ни один приказ не противоречил защите границы настолько, чтобы я мог назвать его преступным. Ни один не требовал крови. Только каждый раз шрам болел раньше, чем документ попадал в руки.

— Почему ты не сказал? — спрашивает Торен.

— Потому что ты попытался бы помочь.

— Непростительное намерение.

— Оно убивает быстрее неповиновения.

В дверь стучат.

Йорен входит, не дожидаясь ответа. На нём нет плаща, сапоги в снегу, на правом запястье проступила красная полоса боевого допуска.

— Нашли ещё одну трубку, — говорит он.

— Где?

— В зале присяги. Вмурована в основание камня.

Торен встаёт.

— Давно?

— Судя по кладке, со времени последнего ремонта.

Последний ремонт проводили по распоряжению Имперского реестра.

Я захлопываю папку.

— Никому не касаться.

Мы спускаемся втроём. В коридорах горят ночные светильники, караул у внутренних ворот меняется. Солдаты приветствуют меня ударами кулака по груди.

Под знаком верности.

Я отвечаю каждому и впервые думаю, сколько чёрных нитей скрывается под мундирами.

Зал присяги расположен под восточной башней. Круглое помещение без окон, стены исписаны именами погибших. В центре стоит чёрный камень, на котором командиры принимают клятвы от новых солдат.

Возле него двое часовых.

Один держит лампу, второй — молоток и зубило. Серебряный край трубки виден в трещине у основания.

— Кто приказал вскрывать кладку? — спрашиваю я.

— Никто, генерал, — отвечает часовой с лампой. — Камень треснул сам.

Йорен подходит ближе. Красная полоса на его запястье темнеет.

— Назад, — говорю я.

Он не двигается.

— Капитан.

Йорен поворачивает голову.

В его глазах на мгновение появляется чёрный ободок.

Трубка внутри камня щёлкает.

Один раз. Потом второй.

Шрам под моим воротом сжимается так резко, что перед глазами темнеет. Серебряная нить на сердце натягивается, а поверх неё ложится чужой голос.

Не мужской и не женский.

Слишком ровный, чтобы принадлежать живому человеку.

— Приказ третьему крылу. Изменники находятся рядом. Уничтожить.
Красная полоса вспыхивает сразу на трёх запястьях.
Йорен хватывает меч.
Часовой роняет лампу и поднимает молоток.
Второй разворачивает зубило остриём вперёд.
Трое моих людей одновременно поворачивают оружие друг на друга.

Глава 6. Первые свободные

Жетон Райнара обжигает меня на рассвете.

Я просыпаюсь от боли, хватаю его поверх рубашки и едва не срываю шнур. По краю чёрного металла бегут синие искры. Та самая крайняя руна, которую нужно сломать, если цепь на карте изменится, уже треснула.

Только сломала её не я.

Внизу грохочет дверь.

— Открывайте! — кричит мужчина снаружи. — Генерал Корр!

Тавия отвечает так, что слов я не разбираю, зато хорошо понимаю интонацию. Дом вздрагивает вместе с дверью. В коридоре вспыхивают золотисто-белые линии, добегают до моей комнаты и сворачивают к лестнице.

Я натягиваю вчерашнее платье. Правую ладонь простреливает болью, когда затягиваю шнуровку. Повязка держится, но под ней снова влажно.

В холле пахнет снегом и кровью.

Двери распахнуты. За ними стоит крытая военная повозка, возле колёс толпятся солдаты. Райнар уже в человеческом облике. Плаща на нём нет, волосы мокрые от снега, а на чёрном мундире и скуле засохла чужая кровь.

Он держит на руках мужчину с пробитым плечом.

— На стол, — распоряжается Тавия.

— Там документы, — говорю я.

— Значит, уберите документы.

Райнар проходит мимо, не спрашивая разрешения. Я сгребаю бумаги Яры к краю за секунду до того, как он укладывает раненого на стол. Солдат стонет. Из-под плотной повязки на плече течёт кровь, на запястьях защёлкнуты глушащие скобы.

Следом заносят второго. Он моложе, бледный, с рассечённым виском и тёмным следом от удушки на шее. Его руки связаны не верёвкой, а ремнями с рунами.

Последним входит Йорен Виск.

Капитан держится сам. На левом боку мундира длинный разрез, пальцы правой руки покрыты кровью. Тяжёлый взгляд останавливается на мне, потом на четвёртой двери галереи.

— Они пытались убить друг друга, — говорит Райнар.

— Я поняла по упаковке.

— Приказ всё ещё внутри.

Слишком ровный голос. Под воротом его мундира проступает край чёрной чешуи.

Тавия рассекает ножом рукав первого солдата.

— Если будете объясняться, делайте это, пока я работаю. И поставьте воду. Все четверо.

Солдаты у двери переглядываются.

— Она имеет в виду вас, — уточняет Торен, появляясь из-за повозки.

— Вас пятеро, — замечает Тавия.

— Я ранен.

Она смотрит на тонкую трещину на его губе.

— Тогда несите маленькое ведро.

Торен уходит к колодцу вместе с остальными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.